

СевероЗапад

КОНАН И ВЕДЕР ПРОКАДЫХ

СевероЗапад

- [Кристина Стайл](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
-

КОНАН

Кристина Стайл

Мир на ладонях

Глава первая

«Служба у Илдиза — дело не слишком хлопотное, особенно когда подолгу не покидаешь столицу, но зато и не слишком прибыльное. Отправиться бы снова куда-нибудь на край света с новым поручением владыки!.. И поразматься можно, и деньжат кое-каких по пути прихватить... А то сидишь при дворце, как пень в позолоте... Впрочем, какая там позолота! Мишуря! И не моя вина, что снова пришлось вспомнить старое ремесло. Разве может здоровый мужик с нормальным аппетитом и вполне объяснимыми интересами прожить на те крохи, что получает сотник туранской армии? Ясное дело, не может. Вот и приходится изворачиваться, чтобы добыть прибавку к жалованью.

Да эти тупоголовые толстосумы сами во всем виноваты. Золото и драгоценные камни они стерегут пуще глаза, а монеты... Приходи и бери, если не слишком ленив!»

Широкоплечий киммериец, быстро шагавший к окраине Аграпура и явно направлявшийся в сторону порта, самодовольно усмехнулся, вспомнив, какой легкой добычей оказалась казна Дархама, одного из самых знаменитых аграпурских богачей. Со времен самой ранней молодости, когда воровство было для него главным и порой единственным источником дохода, Конану еще ни разу не удавалось столь просто проникнуть в дом жертвы и, не встретив ни одного охранника, уйти с такой замечательной добычей.

Варвар ласково похлопал по увесистому кошелю, висевшему на его поясе, и тот мгновенно отозвался тихим звоном, который для киммерийца всегда был приятнее любой музыки. Деньги, так легко попавшие к нему в руки, хотелось поскорее спустить, потратив их на обильный ужин несколько кувшинов хорошего вина да теплую, податливую красотку, в которых не было недостатка в припортовых кабаках.

Он бы сделал это еще вчера, но помешало дежурство во дворце, и теперь, освободившись от обязанностей, Конан спешил в «Попутный ветер» — небольшую таверну в порту, где чаще всего проводил свободные вечера. Киммерийцу все нравилось тут: и веселый, приветливый хозяин Ортис, и неприхотливая, но всегда добротная еда, и неплохие вина, которые Ортис исправно получал от своих друзей-контрабандистов, и, конечно же, девочки. В «Попутный ветер» дешевые шлюхи даже не заглядывали. После нескольких скандалов, которые стоили хозяину поломанной мебели и пары-тройки лишних синяков, Ортис быстро отвадил всю ненужную публику. Теперь его таверна имела репутацию вполне приличного заведения. Конечно, попади в нее какой-нибудь утонченный аристократ, он в ужасе бежал бы отсюда. Но представители знати редко бывали в порту, а уж в тавернах-то и подавно, зато обитатели окраин с удовольствием заглядывали к Ортису.

Кроме того, хозяин, когда это было нужно, становился слепым, глухим и немым, а потому в «Попутном ветре» часто совершались всевозможные сделки и происходили разные встречи, приносившие Ортису дополнительный доход, и порой немалый.

Конан и сам когда-то промышлял контрабандой и прекрасно знал, как редки люди, которым можно доверять, и как высоко они ценятся. С Ортисом они быстро нашли общий язык, и теперь их отношения, пожалуй, даже можно было назвать дружбой.

Еще один узкий переулочек, затем поворот направо, еще раз направо, и вот оно — двухэтажное здание с массивной дверью, над которой красовалась вывеска, сделанная в незапамятные времена до последней нитки пропившимся художником в уплату давнего

долга. Желая угодить своему терпеливому кредитору, неизвестный малевальщик изобразил ядовито-синее море с похожими на громадные крюки волнами, а на гребне одной из них — крохотный белый парусник. В углу вывески он поместил кошмарную рожу с пухлыми щеками, которая, вытянув губы трубочкой, не то дула, не то плевала в сторону парусника. На всякий случай, чтобы развеять любые сомнения, над непонятными мазками, вырывавшимися изо рта щекастого урода, художник крупными, хоть и не совсем ровными, буквами написал: «Попутный ветер». Судя по тому, что фон под второй буквой первого слова и под предпоследней буквой второго явно наносился не один раз, грамотностью должник Ортиса тоже не отличался.

Как бы то ни было, хозяина вывеска устроила, и менять ее он не собирался. В конце концов, не в вывеске дело. Главное что внутри. А внутри заведение Ортиса почти ничем не отличалось от множества ему подобных, разве что тут было довольно чисто и относительно спокойно. Шумно здесь становилось лишь тогда, когда в аграпурский порт заходил чужой корабль и его команда, не знавшая местных порядков, отводила душу после долгого пребывания в море. Правда, обычно разгулявшихся моряков кто-нибудь довольно быстро ставил на место.

Когда Конан, одним ударом распахнув тяжелую дверь, вошел в таверну, в общем зале «Попутного ветра» было на редкость тихо и спокойно. За двумя столами сидели небольшие компании, лениво потягивавшие вино из высоких кружек и неторопливо обсуждали свои дела, а за третьим устроился неброско одетый горожанин, который, судя по его взглядам, обращенным на обслуживающих посетителей девушек, явно намеревался подыскать себе подружку на вечер, а то и на всю ночь. Киммериец, мельком взглянув на него, криво усмехнулся: договориться с девушками, работавшими у Ортиса, мог только постоянный клиент. Чтобы не портить репутацию заведения, они никогда не продавали, а тем более не дарили своих прелестей случайным посетителям. Для этого существовали профессионалки, которые время от времени заглядывали в «Попутный ветер». Некоторым из них хозяин таверны постоянно сдавал пару комнат на втором этаже.

Завидев могучую фигуру своего давнего приятеля, Ортис поднялся ему навстречу.

— Ба! — радостно завопил он. — Рад тебя видеть! Где тебя демоны носили? Ты не появлялся у меня уже несколько дней. Я даже волноваться начал.

— Старый пройдоха! — заулыбался в ответ Конан. — За меня можешь не беспокоиться. Хоть и показал я кое-кому дорогу на Серые Равнины, но сам туда не тороплюсь. Пока есть доброе вино и ласковые девочки, мне и тут хорошо. Кстати, ничего новеньского у тебя не появилось, пока меня не было? Со мной сейчас вполне можно иметь дела. — И он, выразительно взглянув на Ортиса, похлопал по кошелью.

Хозяин таверны усмехнулся, мгновенно связав вопли Дархама о том, что его обобрали до нитки, которыми он беспрестанно оглашал весь Аграпур, с хорошим настроением киммерийца. Но богатый жизненный опыт и не совсем праведный образ жизни научили его не задавать лишних вопросов. Он бросил на варвара понимающий взгляд и ответил:

— Новеньского? Есть. Как раз сегодня утром мне совершенно случайно удалось купить чудесное аргосское вино. Красное. Ты ведь, кажется, любишь такое?

— Люблю?! — чуть не подпрыгнул Конан. — Не то слово! Но я не об этом. Девочек новых нет?

— Чего нет, — вздохнул Ортис, — того нет. Ты ведь знаешь мои правила. А Аграпур хоть и большой город... — Туранец снова тяжело вздохнул.

— Ну, нет так нет, — нисколько не огорчившись, отозвался Конан. — Тогда сначала выпить и пожрать. Пары кувшинчиков для разгона, думаю, хватит. А из еды... Подбери что-нибудь сам.

Не успел киммериец усесться за свой любимый столик, как перед ним начала вырастать гора всевозможной снеди. Ортис, прекрасно зная аппетит своего приятеля, быстро отдавал распоряжения, а подавальщицы выполняли их столь расторопно, будто в «Попутный ветер» заглянул сам Илдиз Туранский со своей свитой.

Конан, расслабившись и вытянув ноги, лениво потягивал великолепное вино и лишь время от времени удовлетворенно кивал, когда заглядывал в очередное блюдо. Хорошо прожаренная свиная лопатка, запеченная на углях баранья нога, копченая рыба, душистые свежие лепешки, остро пахнущая зелень — всего этого с избытком хватило бы, чтоб накормить воинский отряд. Однако Ортис прекрасно знал, сколько может съесть киммериец, когда пребывает в хорошем настроении, а потому очаровательные девушки в соблазнительных нарядах все продолжали сновать из кухни в зал, успевая при этом и торопить поваров, и бросать на варвара многообещающие взгляды.

Он, правда, не торопился выбрать себе подружку на ночь. Все эти милые создания, работавшие в «Попутном ветре», были ему хорошо знакомы. Наваис пылкая и страстная, словно в ее жилах течет не кровь, а бушующее пламя. Октия, наоборот, тихая и робкая. Киммериец провел с ней не одну ночь, но всякий раз она отдавалась ему так, будто никогда прежде не была наедине с мужчиной. Санара... Конан даже причмокнул, вспомнив, какой буйной фантазией обладала эта женщина. Ее никогда не устраивало обычное ложе, на нем она цепенела, зато в освещенном луной саду или возле распахнутого настежь окна, а то и вовсе прямо в обеденном зале, когда из него уходил последний посетитель, она превращалась в фанатичную жрицу богини Деркэто.

Но о любовных утехах варвару сейчас не хотелось думать. После нескольких дней безденежья и утомительных дежурств во дворце, когда ничего не происходило, но было нужно все время сохранять бдительность, киммериец жаждал вот так просто посидеть за обильным столом, вволю попить хорошего вина и ни о чем не думать, даже о прелестях красоток. Тем более, что ничего нового ни с одной из них ему испытать не удастся.

Блюда со снедью постепенно опустошались, но еще быстрее показывалось дно кувшинов с роскошным аргосским. Когда Конан ополовинил пятый сосуд, даже Ортис, который давно подозревал, что утроба могучего сотника бездонна посмотрел на него с удивлением.

— Конан, — осторожно спросил он, — как ты себя чувствуешь?

— Прекрасно! — мгновенно отозвался киммериец, неожиданно для себя обнаружив, что язык его слегка заплетается.

Настоящее аргосское вино было коварным. Легкое, нежное, слегка терпкое, оно обладало чудесным мягким вкусом, и выпить его можно было очень и очень много. Оно не ударяло в голову так быстро, как огирское, и от него не отказывали ноги, как от гхазского или кирасского, что производилось в Шеме. Опьянение от него наступало далеко не сразу, зато перебравшему аргосского одновременно отказывали и ноги, и голова. Обычный человек, выпив и половину того, что поглотил Конан, уже валялся бы под столом, у киммерийца же лишь слегка затуманились мозги.

— Прекрасно, — повторил он. — Еды больше не надо, а вот выпить еще не откажусь.

— И нам выпить!

Дверь «Попутного ветра» с шумом распахнулась, и в общий зал ввалилась уже подвыпившая компания. По обветренным лицам многих из них легко было догадаться, что это моряки. Ортис слегка поморщился: от истосковавшихся по выпивке и женскому телу морских волков можно было ожидать чего угодно. Однако шумным посетителям он не сказал ни слова. Они уселись за самый большой стол, стоявший в середине зала, и потребовали вина и еды.

К радости хозяина, новые клиенты больше соскучились по хорошей кухне, нежели по любовным утехам или отчаянным потасовкам. Какое-то время моряки сосредоточенно жевали, но довольно скоро хозяин таверны с тревогой заметил, что его гости гораздо чаще берутся за тяжелые глиняные кружки, нежели за деревянные трезубые вилки, которые в «Попутном ветре», как и во всяком приличном заведении, подавали всем, кто заказывал мясо. Результаты не заставили себя ждать. Тихие разговоры, которые вели моряки, сменились громкими спорами, затем кто-то затянул песню, а остальные подхватили ее, отбивая ритм кулаками, так что столешница угрожающе затрещала.

Насытив свои изголодавшиеся желудки и закончив весьма своеобразный концерт, морские волки вдруг вспомнили, что они настоящие мужчины, и возжаждали женского общества.

— Хозяин! — громко крикнул один из них, здоровенный медно-рыжий детина со сломанным в давней драке носом. — Подойди сюда!

Ортис, который всегда старался не обострять отношений ни с кем из клиентов, медленно приблизился к развеселой компании.

— Как вам понравилась еда? — вежливо поинтересовался он. — А вино? Будете заказывать еще что-нибудь?

— Жратва вполне сносная, — съело рыгнул детина. — Вино тоже. Но мы уже наелись. Достаточно. Ты лучше скажи, есть ли у тебя свободные комнаты и сколько стоят твои девочки?

— Комнаты есть, — стараясь сохранять спокойствие, ответил туранец. — А вот девочки... Извините, ребята, но мои девочки не продаются. Они всего лишь подавальщицы, и в их обязанности не входит обслуживать гостей заведения еще и в постели.

— Что ты брешешь, шакал туранский?! — Детина изо всех сил ударила кулаком по столу. — Где это видано, чтобы в портовом кабаке работали девственницы? Да я шлюху за тридцать локтей чую! Что там тридцать — за триста!

— «Попутный ветер» — приличное заведение, — гордо выпрямился Ортис.

— Кабак — он и в Черных Королевствах кабак! — рявкнул детина, и его осоловевшие глаза налились кровью. — Или ты называешь цену своих девок, или мы их попользуем бесплатно!

Все самые дурные предчувствия Ортиса полностью оправдались. Назревал скандал, и, по всей вероятности, серьезный. Драками пройдохи-туранца было не удивить, но, сам лучезарный Митра свидетель, как он не любил беспорядков! Особенно когда они происходили в его таверне.

Конан, видя замешательство приятеля, приподнялся из-за стола, нащупывая рукоять меча, готовый в любой миг ринуться на помощь. Однако Ортис, зная крутой нрав киммерийца, взглядом остановил его, все еще лелея крохотную надежду на мирный исход. Варвар, который к тому времени уже расправился с шестью кувшинами аргосского, более-менее утолил свою жажду и теперь был не прочь поразмяться. Но раз хозяин таверны столь

опрометчиво отказался от его услуг, Конан сел на место, продолжая, однако, присматриваться и прислушиваться. Резким движением руки он вогнал клинок, который уже чуть было не пустил в ход, обратно в ножны, подумав при этом, что в любом случае не станет марать боевое оружие о недостойного противника. Для этого у предусмотрительного киммерийца всегда был наготове нож, который он носил за голенищем сапога.

Несчастный туранец между тем, представляя, во что может превратиться его таверна, если разъяренные моряки дадут волю своему гневу, старался утихомирить их. Похоже, его невысказанные мольбы донеслись до ушей кого-то из богов, потому что, когда все собеседники уже перешли на крик, дверь «Попутного ветра» распахнулась. На пороге, глядя на всех, кто находился в обеденном зале, широко раскрытыми глазами, стояла очаровательная девушка.

Она была невысока, но на редкость ладно скроена. Милая головка с роскошными шелковистыми волосами цвета молодой луны, изящная длинная шея, узкие покатые плечи, упругая грудь, едва прикрытая полупрозрачной блузкой, тонкая, гибкая талия, округлые бедра, стройные ноги, открытыые почти от основания двумя разрезами на юбке, — от этого зрелища у мужчин, находившихся в зале, чуть не остановилось дыхание. Девушка сделала шаг вперед, и в таверне повисла тишина.

Прекрасная незнакомка пошла между столами, пристально вглядываясь в лица посетителей. В ее небесно-голубых глазах светился такой откровенный интерес, а круглые бедра, обтянутые узкой юбкой, так зазывно покачивались, что не оставалось никаких сомнений: «Попутный ветер» почтила своим присутствием дорогая шлюха высочайшего ранга.

Однако лицо богини-девственницы настолько не вязалось с походкой развратницы, что Конан, даже слегка прозревший от изумления, замер, не сводя глаз с этой неземной красоты. Медно-рыжий верзила оказался гораздо менее щепетильным. Он грубо схватил за руку девушку, которая, едва взглянув на него, собираясь пройти мимо.

— Погоди, красотка, — прохрипел он. — Тебе есть что предложить, а я сегодня при деньгах. Сколько ты стоишь? Согласен не на всю ночь. Мои друзья тоже голодны. Но я первый.

— Убери свои руки! — брезгливо поморщилась девушка. — Мне, может, и есть что предложить, но тебе, крыса, я ничего предлагать не буду. Надорвешься и сдохнешь.

Верзила рассвирепел.

— Ах ты, паскуда! — заорал он. — Не хочешь по-хорошему, я могу и иначе. Но тогда не жалуйся!

Он сжал хрупкие плечи с такой силой, что девушка даже вскрикнула от боли, и, повалив ее на стол, начал срывать с нее одежду. Девушка отчаянно сопротивлялась, но все ее попытки освободиться были безуспешными, и озверевший детина непременно овладел бы ею прямо на столе, если б ему не помешали.

Когда шершавая мозолистая ладонь уже проникла под разорванную юбку, на плечо насильника опустилась тяжелая рука. Легко, словно пушинку, киммериец оторвал моряка от его жертвы и развернул к себе лицом.

— Ты что, гиена вонючая, не понял, что женщина тебя не хочет? — В ослепительно синих глазах плескалась ярость.

— А ты еще откуда взялся?! — взревел детина и размахнулся, но нанести удар не успел. Увесистый кулак варвара опустился ему на голову, и, будь она не такой крепкой, по

стенам «Попутного ветра» потекли бы мозги неудачника. Надо отдать ему должное: верзила опомнился довольно быстро. Через мгновение в его руке блеснул огромный нож с зазубренным лезвием. Такое оружие наносило страшные раны, которые, если оказывались не смертельными, заживали годами и нестерпимо болели. Но моряк не знал, кого судьба послала ему в противники. Не успел он и глазом моргнуть, как нож киммерийца перерезал ему глотку, повредив при этом шейные позвонки.

Голова верзилы резко откинулась назад, и из открывшейся раны фонтаном брызнула кровь, обдав всех, кто стоял рядом. То ли запах горячей крови, то ли вид поверженного вожака словно пробудили к жизни его приятелей. Они завопили, осыпая киммерийца такими грязными ругательствами, что от них пожелтела бы листва на деревьях, и все разом бросились на Конана.

Он заметался среди нападавших, словно заплясал кошмарный танец смерти. Стремительный выпад — и один моряк схватился за живот, стараясь удержать вываливающиеся внутренности. Быстрый разворот — и второй морской волк, перелетев через зал, ударился головой о стену и, соскользнув по ней на пол, затих. Прыжок вправо — и третий противник, отчаянно воя, пополз к двери, волоча сломанную в нескольких местах ногу.

Драка закончилась так же быстро, как и началась. Те, кому повезло уцелеть, успели смыться, проклиная бешеного варвара и благодаря богов за спасение. Конан мутным взглядом обвел поле боя и повернулся к замершему возле стойки Ортису.

— Прости, дружище, — улыбнулся он туранцу. — Намусорил я у тебя тут... Не переношу, когда обзывают женщин, даже если это распоследние оторвы. Кстати, а где же эта красотка?

Он с удивлением огляделся по сторонам. Девушка исчезла так же неожиданно, как и появилась.

— Ну что ж, — вздохнул киммериец. — Тогда я, пожалуй, еще выпью. — Он сел за свой столик и засунул нож обратно за голенище. — У тебя еще осталось аргосское? — Ортис, не находя слов, кивнул. — Тащи.

Как всегда, после хорошей разминки, а драку со столь неумелыми противниками Конан и не мог воспринимать серьез, его сильно мучила жажда. Кроме того, увидев потрясающую женщину, киммериец окончательно потерял всякий интерес и к Наваис, и к Октии, и даже к сумасбродной Санаре. Что ему еще оставалось делать, как не глушить свое любимое аргосское?

Седьмой кувшин полностью восстановил его состояние, развеянное было потасовкой, и Конан уже собирался заказать следующий, как вдруг почувствовал, что не может произнести ни слова. Веки его стали невероятно тяжелыми, глаза закрылись, голова с глухим стуком ударила о столешницу. Через мгновение послышался мощный храп. Киммерийца сморил глубочайший сон.

Снилось ему что-то отрывочное и беспорядочное. То он скакал куда-то на низкорослой гирканской лошадке, разинув в беззвучном вопле рот, то о чем-то весело болтал с одноглазым пройдохой Ордо, то лупил каких-то совершенно не знакомых ему людей, то просто видел цветущие луга, быстрые реки, неприступные горы. Наконец в его сновидениях появилась вполне реальная и до боли знакомая картина. Небольшая деревушка, окруженная высоким, густым хвойным лесом. Приземистый дом, ладный и прочный. Неподалеку от него — кузница, откуда несетя веселый перестук молотков. Конан быстро идет по тропе к дому, и,

словно услышав его шаги, на пороге появляется молодая и очень красивая женщина с пышными волосами цвета темной меди. Мать. Такая, какой он запомнил ее в далеком детстве. Ее большие глаза вспыхивают радостью, и она бежит навстречу Конану и бросается ему на шею.

— Сынок! — захлебывается она счастьем. — Сынок... Какой ты вырос... Ты уже совсем взрослый. Ты воин...

— Воин... — доносится откуда-то издалека. — Воин... Чья-то рука трясет его за плечо, и варвар, с трудом открыв глаза, оборачивается.

— Воин, проснись же наконец!

Голубоглазая прелестница, из-за которой совсем недавно пролилось столько крови, похоже, довольно давно пыталась разбудить крепко спавшего киммерийца и уже почти отчаялась.

— А, это ты, крошка... — еле ворочая языком, пробормотал Конан.

— Пойдем со мной, воин, — чуть не плача, позвала его красавица. — Пожалуйста.

— Меня зовут Конан. Конан-киммериец, — все еще толком не проснувшись, представился варвар.

— Хорошо, Конан. Только пойдем быстрее.

— Ты сколько стоишь, девочка? Впрочем, это неважно. Я сегодня при деньгах.

— Ты идешь или нет?! — топнув изящной ножкой, воскликнула девушка.

— А зачем куда-то идти? — непонимающе уставился на нее еще не прозревший киммериец. — У Ортиса есть комнаты...

— Идти надо, — твердо ответила красотка и повторила: — Надо идти.

— Хорошо, — послушно кивнул варвар. — Пойдем к тебе. Мне все равно.

Он с трудом поднялся из-за стола. Его сильно качнуло в сторону, но Конан устоял на ногах, вытащил из кошеля несколько золотых и бросил их возле кувшина.

— Я готов, — почти твердо сказал он и направился вслед за незнакомкой прочь из «Попутного ветра».

Глава вторая

Улочки становились все более узкими и кривыми. Ветхие дома с покосившимися крышами смотрели на случайных прохожих слепыми глазами темных окон с разбитыми стеклами. Вскоре киммериец понял, что совершенно не представляет, куда завела его очаровательная незнакомка. Это было тем более странным, что Конан как свои пять пальцев знал столицу Турана, от роскошных кварталов, где обитала местная знать, до самых безобразных трущоб. Но сейчас, сколько он ни силился определить, где находится, ничего не получалось. Варвар готов был поклясться чем угодно, что никогда прежде не бывал тут.

Однако его белокурая спутница уверенно шла вперед, решительно ступая по прогнившим доскам деревянных мостовых, легко и изящно перепархивая через зловонные лужи. Она, казалось, даже не замечала всей этой грязи и тошнотворных запахов, стремясь к только ей ведомой цели. Но что это была за цель? Теперь, когда винные пары, затуманившие мозг Конана, слегка рассеялись, киммериец внезапно понял, что девушка вовсе не похожа на обычную портовую шлюху, за которую он принял ее с пьяных глаз. Но почему тогда она согласилась пойти с ним? Хотя нет, не согласилась. Она сама позвала его с собой! Кром! На скучающую аристократку, которые иногда отправляются в припортовые кабаки на поиски острых ощущений, она никак не походила. Насмотрелся он на этих похотливых кошек вволю и мог различить их издалека даже на приемах у Илдиза Туранского, где они изображали гордых и неприступных девственниц или верных хранительниц домашнего очага.

Эта девушка была совсем другой. Но что ее привело в «Попутный ветер»? И, похоже, она искала именно его, Конана. Зачем? Варвар никогда не верил в людское бескорыстие. Если красотка явилась за ним, значит, ей что-то от него нужно. Очень нужно. Впрочем, что толку гадать, когда значительно легче просто все узнать сразу.

Конан резко остановился. Его спутница, сделав несколько шагов, тоже встала и удивленно взглянула на него:

— Что случилось, воин? Ты передумал идти со мной?

— Погоди, красавица. Я не сделаю больше ни шагу, пока ты не ответишь мне на несколько вопросов.

— Что ж, — вздохнула девушка. — Твоё право. Спрашивай.

— Как тебя зовут и кто ты?

— Сильвия. Я... — Она помолчала немного, а потом решительно выдохнула: — Я не совсем человек.

— Кром! — воскликнул киммериец, — Я так и знал! Слишком уж спокойной была моя жизнь в последнее время! И кто же ты? Слуга Нергала? Дочь Сета? Тень с Серых Равнин?

— Зачем же так мрачно? — рассмеялась Сильвия. — Мой народ не имеет ничего общего с темными силами. Честно говоря, мы стараемся не иметь никаких дел ни с кем: ни с богами, ни с людьми.

— Твой народ? — удивленно поднял брови варвар. — Какой народ? Я немало побродил по свету и готов поспорить на что угодно, что землю населяют лишь люди. Есть еще, правда, гномы, но их ни с кем не спутаешь, да и они редко покидают свои подземелья. Может, и еще какая-то нечисть где-то бродит... Но целый народ... Да еще так похожий на людей... Ты что-то темнишь, крошка!

— Да, целый народ! — почти выкрикнула девушка. — Причем очень древний! Мы жили

на этой земле задолго до того, как появились люди. А потом... Мы хотели мира и спокойствия. У нас нет ни оружия, ни воинов. Когда люди поняли это, они начали уничтожать ольтов, забыв о том, сколько добра мы им сделали.

— Ольтов? — перебил Сильвию Конан.

— Так мои соплеменники называют себя, — пояснила девушка. — Ольты почти не отличаются от людей, но все мы от рождения обладаем магическими способностями и умеем общаться друг с другом мысленно. А еще мы понимаем мысли птиц, животных и рыб, а они — наши, так что с ними ольты тоже могут разговаривать.

— Интересно, — хмыкнул все еще не совсем трезвый киммериец. — Поболтал с оленем о том, о сем, а потом зажарил его на обед!

— Мы не едим мяса, — пояснила Сильвия. — Нам вполне хватает фруктов, меда, цветочного нектара. Есть у нас и умельцы, которые выращивают овощи, пшеницу и овес. Мы вообще считаем, что жизнью и смертью вправе распоряжаться лишь боги.

— А магия? — поинтересовался Конан, возвращаясь к началу разговора. Ему, опытному и умелому воину, вовсе не хотелось рассуждать о жизни и смерти. — Разве с ее помощью вы не могли одолеть врагов?

— Одолеть — нет, — печально улыбнулась девушка, — а вот защититься сумели.

— Вы стали невидимыми? — спросил варвар, тут же подумав, что сам-то он прекрасно видит Сильвию.

— Вовсе нет. Ты ведь видишь меня, — словно прочитав его мысли, ответила Сильвия. — Мы спрятались.

— Как?

— Очень просто. Собрав всю магическую энергию, ольты создали Волшебный Мост между тем местом, где был когда-то наш дом, и одинокой скалой в океане, в той его части, куда не заглядывают люди. На скале постепенно вырос город, и несколько тысячелетий мой народ не покидал его. За это время сменилось много поколений людей и не осталось даже легенд, в которых упоминались бы ольты. Мы снова обрели покой и счастье.

— Но, раз ты здесь, похоже, не все так прекрасно, — посмотрел ей в глаза Конан.

— Увы, — вздохнула Сильвия. — Несколько сотен лет назад наши мудрецы заметили, что скала, на которой стоит наш город, медленно опускается. И, что самое страшное, под ней — Огненное Море. Тогда это лишь обеспокоило их, потому что скала погружалась в пучину всего на полпальца в десять лет. Но ровно сто лет назад стало ясно, что гибель нам грозит намного раньше, чем предполагалось. Сами мы с бедой не справимся...

Сильвия надолго замолчала, погрузившись в свои мысли. Конан ни о чем не спрашивал, изумленный услышанным. Его не такая уж и длинная жизнь, чуть больше двух десятков лет, была до отказа полна самыми невероятными приключениями. Казалось, боги специально подготовили его появление на свет и теперь развлекались, загоняя его в немыслимые ситуации и следя, как он из них вывернется. Он с честью выходил из всех переделок, и многочисленные большие и малые победы вселили в него уверенность: ничто и никогда не сможет его удивить. Но история, которую ему поведала Сильвия, обещала новое, ни с чем не сравнимое приключение.

Наконец девушка заговорила снова:

— Наша магическая сила, к сожалению, невелика. Чтобы создать Волшебный Мост, по которому можно попасть в мир людей, ольты вынуждены долго копить ее.

— Как это? — удивился Конан.

— Во сне, — ответила Сильвия. — Мы спим, а Верховный Маг творит заклинания, постепенно выстраивая переход в ваш мир. С того дня, когда мы осознали, насколько близки к гибели, было создано пять таких Мостов: два из лунных лучей, два из солнечных и один из радуги. По нему могут пройти лишь двое: дочь Верховного Мага и человек, который сумеет помочь нам. Если выбор пал на недостойного, Мост проваливается под ним, и человек остается в своем мире, мгновенно забывая об ольтах.

— Погоди, — нахмурился варвар. — Все это очень интересно, но от меня-то что нужно? Как я могу помочь вам? Я воин, но вы ни с кем не сражаетесь. Еще я умею воровать, но это вам тоже вряд ли понадобится. Да и вообще, все мои навыки, пожалуй, не нужны народу, который питается цветочным нектаром, а все остальное время спит. Девушка тихо рассмеялась и покачала головой:

— Ты совсем не знаешь ольтов. Мы спим только тогда, когда нужно собрать силу. А сила требуется, лишь когда нам грозит опасность. Впрочем, у тебя будет время познакомиться с нами поближе, и тогда, не сомневаюсь, ты найдешь среди ольтов много друзей.

— Так чего вы от меня хотите? — настаивал Конан.

— Ты сильный. Надо перенести нашу скалу в безопасное место.

— Перенести?! — подпрыгнул киммериец. — Крошка, среди ольтов много сумасшедших?

— Главное — согласись, — загадочно улыбнулась девушка. — А уж чтобы это дело оказалось тебе по плечу, наша забота. И еще. Мы щедро наградим тебя. Подумай, чего бы тебе хотелось больше всего. Мы можем выполнить любое твоё желание.

— Никогда еще не чувствовал себя таким идиотом, — пробормотал Конан. — Чего уж тут думать. Работенку вы предлагаете дурацкую, и плату я попрошу такую же. Сделайте так, чтобы, стоило мне щелкнуть пальцами, передо мной мгновенно появлялся бы кувшин красного аргосского вина.

Сильвия внимательно посмотрела на него, словно хотела что-то сказать, но, передумав, пожала плечами и кивнула:

— Будь по-твоему.

— Договорились, — расхохотался Конан. — А где он, твой Волшебный Мост?

— Здесь. Если ты готов отправиться в путь, толкни любую из этих дверей.

Киммериец решительно шагнул к ближайшей двери, пинком распахнул ее и осталбенел. Вместо грязной каморки, которую он ожидал увидеть, перед ним открылся бескрайний простор. Кожаные штаны и куртка, в которые был одет киммериец, мгновенно покрылись мелкими солеными брызгами. Огромный океан плескался у его ног, играя легкими лазурными волнами. Прямо за полусгнившим порогом раскинулась бесконечная водная гладь, где-то вдали сливавшаяся с таким же бесконечным высоким небом. Над головой плыли легкие пушистые облака, а где-то посередине между небосводом и океаном едва заметно качался, переливаясь на солнце, полупрозрачный мост, сотканный из тонких радужных нитей.

Не будь Конан Конаном, увиденное испугало бы его до полусмерти, но варвар лишь усмехнулся и занес ногу, собираясь шагнуть в неизвестность.

— Нет! — крикнула Сильвия. — Остановись!

— Что-то я не пойму, крошка, — сощурился киммериец. — То ты уговариваешь меня прогуляться по Волшебному Мосту, а то чуть ли не за руки хваташь, чтобы я этого не делал.

— Не торопись. Я уже говорила тебе, что у нас нет ни воинов, ни оружия. Ольты вообще

не используют железо. А потому ни одна вещь, сделанная из него, не должна попасть в мир ольтов. Тебе придется оставить здесь все оружие. Иначе, когда настанет время проходить через Большие Ворота, с тобой случится нечто ужасное. — Она вздрогнула.

— Со мной уже многое случалось, и, как видишь, ничего, жив и здоров. А оружие оставить... Знаешь, лучше гулять по Аграпуру без штанов, чем оказаться в неподходящее время без меча.

— Тебе не угрожает никакая опасность. — В глазах Сильвии мелькнул испуг. — Там нет ни диких зверей, ни кровожадных морских чудовищ. Но если попытаешься пронести с собой железо, это почти равносильно гибели.

— Кром! — рыкнул Конан. — Не тяни, крошка, рассказывай, что за беды должны обрушиться на мою голову.

— Ты окаменеешь, — шепнула Сильвия, и ее глаза округлились от страха. — И будешь стоять, пока кто-нибудь не освободит тебя от железной вещи.

— Ну хорошо, уговорила, — кивнул варвар, снимая ножны и аккуратно укладывая их на пороге. Затем он достал из рукава тонкий острый кинжал и не менее бережно положил его рядом с мечом. Внезапно вспомнив, что за голенищем остался нож, с помощью которого он утихомирил I, подгулявших морячков, Конан хотел было оставить и его, но подумал, что не может отправляться навстречу неведомому с голыми руками. В конце концов, даже если он и вправду превратится в камень, кто-нибудь из ольтов сумеет вынуть лезвие из его сапога. Он нужен им живой и невредимый, а потому и опасаться нечего. Нагнувшись, он поправил рукоятку ножа так, чтобы она немного выглядывала из-за голенища, а затем повернулся к девушке:

— Я готов. Показывай, куда идти.

— Я пойду впереди, — пояснила Сильвия. — Ты должен идти по моим следам. Они укажут дорогу. Только не торопись, а то можешь сорваться с Волшебного Моста вниз и тогда погибнешь. Я не сумею помочь тебе.

Девушка смело шагнула на Мост, и там, где ступала ее легкая нога, на дымчато-радужной поверхности появлялись аккуратные следы, сияющие серебром. Конан подождал немного, затем глубоко вздохнул и направился вслед за Сильвией. К его величайшему удивлению, Мост под ним не прогибался, словно маленькие серебристые отпечатки обладали прочностью стали. Вскоре, принаоровившись к шагам Сильвии, киммериец почти перестал смотреть под ноги и начал оглядываться по сторонам.

Вокруг, насколько хватало глаз, простирался океан. Конан готов был поклясться именами всех известных ему богов и демонов, что понятия не имеет, где находится. Ни малейших признаков суши. Только вода, вода, вода. Тихая, спокойная, ласковая и, наверное, теплая. Легкие облака, проплывавшие в высоком небе, отражались в лазурной глади, и варвару на миг даже показалось, что он шагает по широкой радуге прямо навстречу солнцу, поднимаясь все выше и выше, и вот-вот перед ним предстанут ворота в чертоги самого Митры.

— Тысяча демонов! — пробурчал он под нос — Интересно, куда завела меня эта девчонка, что я размечтался, как изнеженная принцесса? Еще денек тут побуду — глядишь, стихи писать начну.

— Ты что-то сказал? — повернулась к нему Сильвия.

— Да нет, ничего особенного. Так, красотами любуюсь, — усмехнулся Конан.

— Здесь очень красиво, ты прав, — серьезно кивнула девушка. — И тихо. Это потому,

что тут никогда не бывают люди. Они не умеют жить в мире.

— Сильно ты нас не любишь, — заметил киммериец.

— Не люблю? — рассмеялась Сильвия. — Что ты! Просто отнешься к вашему племени как к неизбежному злу. Ты ведь не станешь бороться с ураганом? Наверное, предпочесть просто спрятаться от него.

— Однако без этого неизбежного зла обойтись-то не сумели, — огрызнулся Конан.

— Не надо сердиться, — успокоила его девушка. — От частых ссор болит душа. Прости, если обидела тебя.

— Я никогда не держу зла на женщин.

— Вот и хорошо. А теперь я ненадолго покину тебя.

Мне надо поспешить, чтобы подготовить Большие Ворота к твоему приходу. Посмотри вперед. Видишь серебристую арку? Нам туда. Иди по моим следам.

С этими словами Сильвия повернулась и стремительно понеслась вперед, быстро исчезая вдали. Конан смотрел ей вслед, не трогаясь с места. Изящная фигурка девушки становилась все меньше и меньше, и только цепочка серебряных следов, которые тоже быстро уменьшались, обрачиваясь едва различимыми точками, указывала путь.

Киммериец постоял еще немного, затем осторожно попытался поставить ногу рядом со следом Сильвии. Не то чтобы он не доверял девушке, а просто привык во всем полагаться не на чьи-то слова, а на собственные ощущения и знания. Никакой опоры. Нога погрузилась в радужную дымку, словно Конан и вправду стоял на пушистом облаке. Похоже, его спутница не напрасно предупреждала его об опасности. Что ж, дорога хорошо видна, и если он сумел пройти почти половину Моста, значит, прекрасно доберется до цели.

Решив больше не испытывать Волшебный Мост на прочность, Конан пошел вперед, где, по словам Сильвии, находились Большие Ворота, ведущие в мир ольтов. Удивительно, но какими бы маленькими ни были следы девушки, они служили вполне надежной опорой.

Киммериец уверенно шагал вперед, пока откуда-то из-под Моста не появился легкий белесый туман. Конан на мгновение остановился, но, убедившись, что серебристые, следы видны по-прежнему отчетливо, двинулся дальше. Туман становился все гуще, и вскоре варвара уже окружала непроглядная молочно-белая пелена. Неожиданно, словно возникнув ниоткуда, перед киммерийцем выросла сияющая арка, как будто сотканная из лунного света. «Наверное, это и есть Большие Ворота», — успел подумать Конан, как туман, застилавший все вокруг, настолько сгустился, что стал плотным и осязаемым. У варвара перехватило дыхание, в глазах потемнело, голова закружилась, в воздухе заплясали разноцветные огоньки, и Конан потерял сознание.

Как долго длилось его забытье, киммериец не знал, но, когда он вновь обрел способность видеть и слышать, туман полностью рассеялся, на ярко-голубом небе опять сияло солнце и все так же медленно плыли белые, пушистые облака. Прямо напротив Конана посреди океана стоял камень, доходивший ему до колен, а на его вершине раскинулся очаровательный игрушечный городок, окруженный белой стеной. Толщина ее была не больше пальца варвара, а высота — примерно пальца четыре. По углам стены были установлены сторожевые башни, из бойниц которых выглядывали крошечные фигурки в одинаковых темно-зеленых курточках. По узким, но прямым и чистым улицам, вдоль которых стояли аккуратные домики под островерхими крышами, гуляли маленькие человечки в ярких красочных одеждах.

«Клянусь копытами Нергала, — подумал Конан, — это и есть город ольтов, а эти

малавки — они сами. Похоже, проходя Большие Ворота в мир людей, они вырастают, а возвращаясь обратно, снова уменьшаются. Почему же тогда я остался прежним? Наверное, Сильвия подразумевала это, когда говорила, что ей надо подготовить Ворота для меня. Конечно, если бы я стал таким же, как они, что от меня толку? А так я вполне могу перетащить их городишко куда угодно. Неудивительно, что люди чуть не истребили ольтов! Они, по всей вероятности, порой просто не замечали эту мелюзгу. Даже изящная ножка молоденькой девушки может запросто раздавить нескольких мужчин этого народца.

Древний народ! Маги! Скала посреди океана! Тьфу! Камушек в каких-то прибрежных водах. Тут глубина-то всего ничего. До колена и то не доходит. Ладно! Маги они или нет, мальчи или великаны, но они просят о помощи, а я тут торчу и рассуждаю, вместо того чтобы делом заняться».

Конан попытался усмехнуться и с изумлением понял, что лицо его осталось неподвижным. Изумление переросло в тревогу, когда он почувствовал, что руки тоже не повинуются ему, а тревога сменилась ужасом, когда киммериец, сколько ни пробовал, так и не сумел ни на полшага сдвинуться с места.

«Кром! — осенило варвара, — Сильвия не напрасно предупреждала меня, что нельзя брать с собой никакого железа. Идиот! Самонадеянный болван! Как эта мелюзга справится с моим ножом? На его лезвии может со всеми удобствами устроиться десяток ольтов! Вот это влип так влип. Никогда не думал, что придется изображать памятник самому себе!»

Глава третья

Конан не был бы Конаном, если бы позволил отчаянию замутить его рассудок. Осыпав себя всеми ругательствами, которые только мог припомнить, и, обвинив себя во всех преступлениях, какие только мог вообразить, он немного успокоился. Злись не злись, ругай себя не ругай, изменить ничего он все равно не в силах. Значит, надо думать, как выкрутиться из этого более чем идиотского положения. Хоть киммерийцу и приходилось гораздо чаще работать мечом и кулаками, нежели головой, но боги, слава пресветлому Митре, умом его не обидели.

«Спокойно, дружище, спокойно, — уговаривал он сам себя. — Если ты не потерял способность мыслить, у тебя еще не все потеряно. Ты все еще видишь небо над головой и слышишь, как морские волны бьются о твои ноги. Это не Серые Равнины, откуда, как говорят, нет обратного пути... Подожди! Видишь и слышишь? Это уже хорошо. Так... Что же такого я могу увидеть?»

Он попытался повернуть голову, но из этого ничего не получилось. Однако, к великой радости киммерийца, он обнаружил, что видит не только то, что находится прямо перед ним, но и довольно далеко по сторонам. Да что там далеко! Варвар всегда обладал удивительно острым зрением, но никогда даже и помыслить не мог, что сумеет в деталях рассмотреть все мелочи на таком большом расстоянии. Город ольтов, лежавший примерно на уровне его колен, был крошечным, но Конан превосходно видел лица человечков даже на самых дальних улочках. Более того, до его слуха донеслись звуки речи. Слезившимися от яркого солнца глазами, которые он не мог прикрыть рукой, киммериец увидел, как два маленьких стражника на башне показывают на него пальцами. Губы их шевелились. Варвар прислушался. Никаких сомнений, он слышит их разговор! Правда, не может понять ни слова, ибо язык ольтов, оказывается, никак не похож ни на один из известных ему языков. Но ведь он говорил с Сильвией, а значит, если она поднимется на городскую стену, он вполне сможет побеседовать с ней. Только бы она догадалась!

Словно откликнувшись на его мысленный призыв, девушка очень скоро появилась возле сторожевой башни, наиболее близкой к ногам Конана. Киммериец так обрадовался ей, что, имей он возможность шевелиться, наверное, подпрыгнул бы до небес. Однако радость варвара оказалась преждевременной. Сильвия что-то торопливо заговорила. Он прекрасно слышал ее, но — о ужас! — не понимал ни слова. Похоже, что, пройдя Большие Ворота, его спутница забыла язык людей и теперь не может с ним даже поболтать. Впрочем, что от этого толку? Конан пробовал ответить ей, но его губы даже не дрогнули.

«Нергалова отрыжка ты, а не воин, — снова обратился он к самому себе. — Твое положение хуже, чем ты мог когда-нибудь представить. Уж лучше бы превратился в самую настоящую статую. Ольты показывали бы тебя своим детям и рассказывали бы им историю о тупом и самодовольном болване, занятную и поучительную. Но тебе было бы все равно. А так все-таки обидно. Видеть и слышать, что происходит вокруг, и не иметь возможности подать хоть какие-нибудь признаки жизни».

Сильвия все говорила и говорила что-то, отчаянно жестикулируя, пока наконец не поняла, что все ее усилия напрасны. Тогда девушка опустилась на грубые камни, из которых была сложена стена, и, закрыв лицо ладонями, горько зарыдала. Она плакала так громко, и горе ее было так велико и искренно, что Конан, будь он на это способен, наверное,

разрыдался бы вместе с ней.

«Прости меня, малышка, — ласково обратился он к девушке, досадуя, что она его не слышит. — Это моя вина, что я не смог помочь твоему маленькому народцу. Вы так надеялись на меня... Не в моих правилах нарушать данное слово, и, поверь, я обязательно что-нибудь придумаю».

На городскую стену медленно поднялись еще несколько человечков. Сначала все они уставились на исполинскую фигуру, застывшую прямо напротив их скалы, а затем, словно по команде, заголосили на тысячу ладов. Они плакали, выли, вопили, орали, как будто в образе окаменевшего киммерийца узрели собственную неминуемую смерть. Сердце варвара, видимо не обратившееся в камень, потому что он ясно слышал, как кровь стучит в висках, ныло и болело, ему было невыразимо стыдно, как если бы он обидел невинных детей и смеялся бы над их слезами.

Конечно, ему было не до смеха. Он чувствовал, что тело его по-прежнему живо, но невидимые силы сковали его, одев в непробиваемую каменную оболочку. Ярость, отчаяние, злость на самого себя душили Конана, но он лишь неподвижно стоял посреди лазурных вод, которые с мягким шелестом лизали его ноги, и смотрел, как чудесные крошечные ольты скулят от невыразимого горя.

Наконец слезы несчастных, похоже, иссякли. Медленно, один за другим человечки в разноцветных одеждах поднимались на ноги и, низко опустив головы, покидали стену. Вот уже на ней осталась одна Сильвия. Девушка подняла опухшее от слез лицо, грациозным жестом откинула со лба прядь удивительных волос лунного цвета и укоризненно взглянула на киммерийца. Обладай она чарами могучего мага, который может взглядом испепелить врага, на месте застывшего истукана осталась бы груда пепла. Да и сам он готов был провалиться сквозь землю, однако и этого ему было не дано. Сильвия еще раз взглянула на Конана, слегка покачала головой и, отвернувшись от него, тоже ушла со стены. Он снова остался один.

Потекли однообразные и бесконечно длинные дни. Конан, первое время лихорадочно искашивший выход, бросил это неблагодарное занятие и порой надолго забывался каким-то странным полусном, из которого его выводили многочисленные обитатели моря и небес, коих почему-то очень привлекала новая и, главное, совершенно необжитая скала. Больше всего киммерийцу досаждало неизвестное морское чудище, с силой бившееся об его ноги где-то возле лодыжек, словно больше всего на свете желая сокрушить эти столбы, которых совсем недавно тут еще не было.

«Ну, погоди, мерзавец! — злился варвар. — Твое счастье, что я не могу даже пальцем пошевелить. Встретился бы ты мне в более подходящую пору, я тебя, гадину, задушил бы собственными руками. Что тебе, поганцу, от меня надо? Обойти не можешь? Вон места сколько гуляй — не хочу. Так нет, этой мокрице-переростку понадобилось пролезть именно тут. Полжизни отдал бы за то, чтобы пнуть тебя, Нергалово дермо, как следует!»

Однако неведомый житель глубин не слышал его и, наверное, даже не подозревал, что мешает кому бы то ни было. Он лишь с упорством, достойным лучшего применения, долбил и долбил каменные сапоги Конана. Однажды, представив, как его невидимый противник, наверное, бесится оттого, что не может добиться желаемого, киммериец вдруг страшно развеселился и тут же почувствовал, что его злость на беднягу прошла. После этого он начал внимательно прислушиваться к тому, что происходило на глубине, пытаясь представить, как выглядит эта тварь.

Она явно была очень крупной, по меркам ольтов, конечно. И сильной, так как варвар иногда очень даже ощущал удары, смягченные толщей воды. Ему, естественно, не было больно, но, будь киммериец не таким огромным, упрямство подводного чудища дало бы в конце концов результаты. И еще у него, похоже, были щупальца, ибо он иногда обвивал! чем-то ноги Конана и пробовал тянуть их на себя, нисколько не опасаясь, что эта машина может свалиться ему на голову. Значит, еще и не из трусливых.

«Интересно было бы на него посмотреть, — подумывал киммериец. — Я понятия не имею, где находится страна ольтов. И животные у них могут быть совершенно не похожи на наших. Правда, мне не раз приходилось видеть всевозможнейшую дрянь, порой самую невероятную, рожденную больным воображением взбесившихся колдунов... Но ведь этого-то никто не придумывал. Он родился в этом море и спокойненько себе жил, пока не наткнулся на меня. Ему, видать, тоже интересно, что за гадость тут появилась. Эх, Нергал мне в печень. Нагнуться хотя бы... Тут ведь совсем не глубоко...»

Подводный обитатель, конечно, время от времени сердил Конана, но самое настоящее бешенство у варвара вызывали птицы. Скорее всего, где-то неподалеку была суша, иначе откуда бы тут взяться этим наглым пернатым? Они иногда появлялись целыми стаями, иногда поодиночке, но киммерийцу от этого было не легче. Досаждали они ему страшно. То какая-нибудь пичуга усядется прямо на нос и, склоняя крошечную головку то на один бок, то на другой, пристально смотрит прямо в глаза, словно понимает, что перед ней человек, только очень большой и совершенно беспомощный. То они налетают десятками и устраивают на его плечах место сборищ, галдя при этом немилосердно. Ладно бы еще только галтели! Так ведь гадят, сволочи! Такие крошечные, а следов оставляют, что твой слон!

Но и это показалось Конану ерундой, после того как семейство относительно крупных птиц, очень напоминающих орлов, поселилось у него на голове. Сначала они летали туда-обратно, собирая ветви, потом долго и шумно вили гнездо, и наконец орлица надолго устроилась в нем, а ее верный друг начал таскать ей пищу.

«Митра милосердный! За что караешь? Кром, отец родной, чем не угодил тебе сын твой? — взмолился киммериец. — На все согласен, только пусть эти твари исчезнут отсюда!»

Но, видимо, его боги не заглядывали в мир ольтов, потому что страстная молитва варвара осталась без ответа.

«Юма бы помер со смеху, — вспомнил Конан своего давнего приятеля-кушита, обладавшего удивительным чувством юмора и потрясающей способностью почти всегда пребывать в прекрасном настроении, — узнай он, что на моей башке птенцов выводили! Хорошо еще, что орлы, а не какие-нибудь мелкие пичуги. Хоть орут редко, видать, в согласии живут... Вот влиз! Вот вляпался, идиот! Что же мне теперь так и стоять тут до скончания веков?! Врагу не пожелаю...»

Его горестные размышления прервал громкий звук, похожий на гулкие удары тяжелых кулаков по огромному барабану. Конан покосился на город ольтов и увидел, что на стене происходит что-то интересное. Обнаженный по пояс юноша увлеченно лупил по красно-сине-зеленому барабану, и, откликаясь на зов, на стену поспешно собирались люди. Казалось, сюда спешил весь город. Как будто подчиняясь безмолвным командам, ольты выстраивались вдоль стены полукругом, не приближаясь к барабану, на котором вполне могли бы уместиться трое их соплеменников, больше чем на пять шагов.

Среди толпы Конан без труда разглядел Сильвию. На ней было надето длинное строгое

платье цвета старой бирюзы, а единственным украшением служили ее роскошные волосы, рассыпанные по плечам и прихваченные на лбу тонким обручем из белого металла, может быть, серебра. Она, как и все ее соплеменники, застыла в молчаливом ожидании. Юноша продолжал отбивать на барабане мерный ритм, пока вдруг не замер с поднятыми над головой руками, которые он почему-то не спешил опускать вниз. Толпа зашевелилась, образовывая в середине полукруга узкий проход. На городскую стену поднялся высокий худощавый старик в темно-красной мантии. Его седые длинные волосы были, как у Сильвии, перехвачены обручем. Но обруч старика был сделан из золота, а надо лбом на тонких, круто завитых спиралях возвышалась восьмиконечная звезда с очень длинными лучами. Старик поднял руки над головой, и толпа, мягко шелестя одеждами, опустилась на колени.

«Это, наверное, и есть их самый главный маг, — догадался Конан. — Интересно, что за представление мне сейчас покажут? И где они, Нергал их забери, были все это время?! А... Сильвия что-то говорила о том, что они собирают магическую энергию во сне... Дрыхли, видать, а теперь явились сюда, чтобы передать ее старику. Он что, новый мост строить будет?»

Но долго задавать самому себе вопросы киммерийцу не пришлось. Начавшееся действие так увлекло его, что он забыл обо всем на свете. Старик вытянул руки перед собой и что-то не то заговорил, не то запел тонким дребезжащим голосом. Из его рта, словно струйки пара в морозный день, стали появляться крошечные искорки. Они разгорались все ярче и ярче и, упав на подставленные ладони, начали складываться в маленький шарик, который постоянно менял цвет. Сначала он был бледно-голубым, потом неожиданно пожелтел, затем по нему побежали розовые блики. Синий, зеленый, пурпурный, оранжевый, сиреневый... Шар столько раз изменил окраску, что варвар сбился со счета, а в конце концов понял, что и цветов-то таких никогда в жизни не видел. Когда маг наконец замолчал, в руках у него светился жемчужно-розовый шарик изумительной красоты.

Едва эхо повторило последний звук необычной песни, вперед шагнула Сильвия. Она подняла руки над головой и, повернувшись к старику, тоже запела. Вновь посыпались искорки, только на сей раз они исходили не изо рта девушки, а как бы тонкими ручейками текли с кончиков ее пальцев и, словно нитка на клубок, наматывались на шар, который держал старики. Как только песня девушки закончилась, ей на смену из толпы вышел следующий ольт, и действие повторилось.

Когда шар увеличился в размерах раз в десять и маг, уже будучи не в силах удержать его в руках, положил светящуюся сферу на барабан, она стала уже ярко-алой. Старик все поворачивался и поворачивался к толпе, вызывая из нее все новых и новых носителей магической энергии, пока шар не превратился в темно-рубиновый. После этого маг встал лицом к Конану, возложил руки на шар, закрыл глаза и надолго замер.

Киммериец успел уже слегка заскучать, как вдруг словно молния пронзила его. Прямо в мозгу варвара прозвучал вопрос:

«Что случилось, воин? С каким железом ты не смог расстаться?»

«О боги! — подумал Конан. — Что это?»

«Ничему не удивляйся. Наша магия позволяет, когда это необходимо, обмениваться мыслями. Ты ведь не можешь разговаривать».

«Не только разговаривать, — ответил киммериец, слегка успокаиваясь. — Я и бровью пошевельнуть не могу».

«Ты сам виноват в своих бедах, — прозвучал скорбный голос. — Какое железо ты

пронес через Большие Ворота?»

«Кинжал. Он у меня за голенищем сапога».

«О, горе нам! Никому из ольтов не под силу освободить тебя от чар».

«Что же теперь делать?»

«Мне ведом только один путь. Моему народу придется теперь снова на многие годы погрузиться в сон, чтобы собрать энергию, необходимую для постройки нового Моста. Потом мы пошлем в мир людей гонца, и если повезет, и тебе, и нам, на помощь придет другой воин».

«Годы?! Многие годы?! — Отчаянью Конана не было предела. — И что значит, если повезет?»

«Годы не должны пугать тебя, воин. В мире ольтов и в мире людей время течет по-разному. Скорее всего, для тебя пройдет лишь один год. А может, и день... Правда, не хочу обманывать тебя. Год или день могут обратиться в век».

«Ты не ответил на второй вопрос — Киммериец старался не показывать, насколько потрясли его слова мага. — Что значит, если повезет?»

«Не каждый человек может пройти по Волшебному Мосту. Впервые за многие столетия, наши столетия, лишь тебе удалось попасть в мир ольтов. И если бы ты был благоразумнее...»

«Чего жалеть прическу, когда голова скатилась с плахи? — перебил своего собеседника Конан, ненавидевший нравоучения. — Иного выхода нет?»

«Мне неведом другой путь, воин. Если ты сумеешь его найти, ударь в этот барабан, и ольты пробудятся ото сна».

Старый маг слегка поклонился киммерийцу и покинул стену. К светящейся сфере подошла Сильвия. В ее светло-голубых глазах стояли слезы.

«Я все слышала, Конан. Это очень плохо. Но я хочу, чтобы ты знал: я верю в тебя. Ты сумеешь спастись сам и поможешь ольтам в их беде».

«Спасибо тебе, крошка. — Если б варвар только мог, он непременно усмехнулся бы. — Спасибо, что не злишься на меня. И знаешь, мне кажется, ты права. Я не привык нарушать данное слово, и уж коли обещал перетащить ваш город в безопасное место, то обязательно сделаю это».

В толпе о чем-то оживленно заговорили. Видимо, все, кто поднялся на городскую стену, слышали этот разговор. Поверили они словам киммерийца или нет, кто знает, но на многих лицах засияли улыбки. Сильвия махнула Конану рукой и ушла. Вслед за ней потянулись остальные, и вскоре варвар снова остался один.

«Они поверили мне, — думал Конан, глядя вслед удалявшимся фигуркам. — Им без меня не обойтись. Не могу ведь я стоять как истукан и молча смотреть, как гибнет этот славный народец. Нет! Я что-нибудь придумаю. Я обязательно что-нибудь придумаю...»

«Опять ты приволок эту гадость, Мажирик! — неожиданно прозвучал у него в мозгу резкий голос — Сколько раз говорить тебе, что ни я, ни твои детки не будут есть падаль! Мог бы и постараться ради своей семьи!» «Кром всемогущий! Что это?» «Я и так стараюсь, Марижика! — услышал он снова. — Не я ли отыскал эту чудесную скалу для нашего гнезда? Не я ли нашел на ней такую превосходную площадку? Не я ли охраняю наше гнездо? Не я ли кормлю тебя и детей?»

«Как же, кормишь! Таскаешь первое, что на глаза попадается! Вчера вот рыбу приволок, а у меня от нее перья тускнеют. Сегодня какое-то тухлое мясо... Так наши крошки никогда летать не смогут! Чтобы летать, нужны силы, а откуда их взять, когда отец никакого о детях

не думает? Моя мама всегда говорила...»

«О, златокрылый Ораал!» — возопил несчастный отец семейства и, сильно взмахнув крыльями и оттолкнувшись от головы Конана, взмыл вверх. Киммерийцу даже показалось, что он почувствовал толчок.

«Вот тебе и мирно живут, — развеселился варвар. — А я-то думал... Постой-постой! Значит, ольты сделали так, что я теперь могу понимать птиц? Спасибо и на этом! Теперь хоть не так тоскливо будет торчать тут. Интересно, а почему они меня не слышат? Впрочем, этой сварливой птахе, видимо, не до меня. Ладно, плевать на них. Надо подумать, какую пользу можно извлечь из этого неожиданного дара».

Глава четвертая

Неожиданный подарок ольтов оказался как нельзя кстати: теперь Конан мог побеседовать с птицами, которые свили у него на голове гнездо, и те, поддавшись на его уговоры, обещали как можно скорее освободить так полюбившуюся им площадку.

«Как только дети окрепнут настолько, что сумеют долететь до суши, мы тотчас уберемся отсюда», — пообещал киммерийцу Мажирик.

«Мне будет не хватать вас, — честно признался Конан. — Может, заглянете когда-нибудь, поболтаем?»

«Можно подумать, у нас нет других дел! — тут же вмешалась склонная Марижики. — Надо воспитывать крошек. Мы будем очень заняты...»

Она бы с удовольствием продолжала еще и еще, не останови ее почувствовавший мужскую поддержку супруг. Он резко прикрикнул на сварливую жену, и она, наверное, от неожиданности замолчала. Конан в душе порадовался, что птицы слышат только те его мысли, с которыми он к ним обращается. Улови Марижики, что он о ней думает, она, скорее всего, просто-напросто выклевала бы ему глаза.

Так или иначе, но время, заполненное общением хоть с какими-то живыми существами, уже не тянулось так медленно, а кроме того, киммериец воспользовался случаем, чтобы разузнать, куда же его закинула судьба и что за чудище живет в глубине. К его легкому сожалению, птичья семейка не так уж много знала о мире ольтов. Мажирик, которого все время норовила перебить жена, рассказал, что океан, где так неожиданно возник Конан, простирается довольно далеко. До ближайшей суши день полета, но там нет ничего интересного: растительность чахлая и скучная, камни да песок. Хорошо еще, что среди камней водится много грызунов, да изредка попадаются животные покрупнее. Этого вполне хватает, чтобы выжить, но, что особенно огорчало Марижику, общаться тут совершенно не с кем.

«Понятно... — протянул варвар. — А кто так настойчиво бил меня по ногам? И, главное, куда это он исчез?»

Не успели птицы и клювы раскрыть, как в мозгу варвара прозвучал ответ.

«Кто меня бил по ногам... — передразнил его кто-то, обладавший на редкость противным скрипучим голосом. — Я тебя бил. И никуда я не исчезал. Дел у меня полно».

«Кто ты? — обрадовался Конан. — Я не вижу тебя».

«И нечего на меня смотреть. Не жениться ведь собрался! Видеть-то не видишь, а мешаешь страшно».

«Так кто ты?» — повторил свой вопрос киммериец.

«Столько тут торчишь, мог бы и узнать. Олтик я».

«А я Конан», — представился варвар.

«Подумаешь! Конан! Ну и что? Торчит тут истукан каменный, порядочным десятиногам и пройти негде!»

«Так обойди1»

«С чего это я буду тебя обходить, дурак несчастный, если мне именно туда нужно, где ты встал».

«А зачем?»

«Ну совсем тупой! — рассвирепел Олтик. — Живу я тут! А ты, истукан неподвижный,

устроился прямо напротив входа в мой дом. Места другого не нашел! Еще и разговаривать так долго не хотел, гад этакий. Сколько раз я просил отодвинуться! Не слышал, что ли?»

Признаваться хамоватому десятиногу в том, что не может даже пошевелиться, варвар не хотел. Кроме того, он прекрасно помнил, с какой силой и как упорно Олтик пытался сдвинуть огромную скалу, которая заслонила вход в его пещеру. «Может, попросить его вытащить кинжал из-за голенища?» — подумал Конан и тут же испугался, что десятиног может его услышать и тогда, конечно же, на него помочь рассчитывать не придется. Вредное существо просто из принципа не станет помогать тому, кто так долго мешал ему жить. Однако, к великой своей радости, киммериец убедился, что Олтик тоже улавливает только те мысли, которые варвару хотелось бы высказать вслух. «Тогда нужно его обмануть! — мелькнула в мозгу Конана спасительная мысль. — Но как? Вряд ли он настолько глуп, что все получится просто и легко».

«Чего задумался, прутухшая раковина? — снова услышал он скрипучий голос — Я тебе задал вопрос, на который мог бы ответить и самый распоследний морской червяк, с роду не обладавший ни каплей мозгов».

«Я не привык отвечать на дурные вопросы, — огрызнулся киммериец. — Как я мог тебя не слышать, когда ты визжишь, словно тебя кто-то лупит!»

«Меня?! Лупит! — Возмущению десятинога не было предела. — Я не знаю, откуда ты такой взялся, но сразу видно, что в наших краях ты чужак. Иначе в твою тупую голову не могла бы прийти такая идиотская мысль, что кто-то может лупить Олтика! На всем дне морском не сыскать никого, кто был бы сильнее меня!»

«Очень хорошо, — подумал Конан. — Это мне и надо».

«Долго ты будешь тут торчать? — снова обратился к нему Олтик. — Твои ноги мешают мне».

«А мне тут нравится, — беспечно отозвался варвар. — Я решил искупаться, вода оказалась теплой и приятной, вот я и надумал постоять тут немного, расслабиться, отдохнуть, а заодно и сапоги помыть. Не стану же я прыгать с места на место только потому, что какому-то нахалу домой захотелось! Ты говорит, у тебя много дел? Вот и погуляй еще чуть-чуть, а я, может, тем временем и накупаюсь. Тогда и уйду».

«Значит, не хочешь по-хорошему? — прошипел десятиног. — Ну, погоди! Я придумаю, как справиться с тобой!»

Конан ощутил сильный толчок, вода возле его подошв как будто закипела, поднялась небольшая волна, едва не коснувшаяся его пояса, и все стихло. Наверное, Олтик решил пнуть его на прощание потому что, сколько ни обращался к нему киммериец, ответа так и не получил. Десятиног снова куда-то исчез.

«Не слишком ли я погорячился? — обеспокоено подумал варвар. — А если он не вернется? Он, пожалуй, единственный, кто может избавить меня от чар. Зря я так с ним. Надо было похитрее, помягче, поизворотливей. Ну, ничего! Куда он денется? Здесь его дом, и упрямец не желает от него отказываться. Вернется! Непременно вернется! А я пока подумаю, как лучше его обвести вокруг пальца. Или щупальца... Что там у него?»

Снова потянулись дни. Конана больше не забавляли красочные перебранки Мажирика и Марижики, его даже перестало волновать, когда же они в конце концов уберутся с его головы. Киммерийца занимало только одно: каким образом заставить Олтика хотя бы попытаться вытащить из-за голенища кинжал и тем самым разрушить чары. Он прекрасно понимал, что просить напрямую об этом нельзя. Обозленный десятиног просто из

вредности не захочет помогать ему.

«Думай, Конан, думай, — тормошил варвар самого себя. — Единственное, что у тебя еще работает, это голова. Вот и используй ее по прямому назначению. Думай! Не бывает безвыходных положений».

Наконец мало-помалу у него начал складываться план. Нельзя сказать, что он был безукоризненным или особо изощренным, но, если повезет, задумка киммерийца должна была сработать. Конану не раз приходилось сталкиваться с людьми, по характеру очень схожими со вздорным десятиногом. С ними никогда нельзя было говорить прямо, но зато как легко попадались они «на дурака»! Подзадорь такого, подразни слегка, скажи, что ему ни за что не сделать того или этого, и, забыв обо всем на свете, он кинется доказывать свою исключительность. Может, и Олтика удастся поймать на эту приманку?

Конан так обрадовался, что, похоже, нашел выход, что ему захотелось петь. Однако этого варвару тоже было не дано. И слава Митре, иначе он распугал бы всю живность на сотни локтей вокруг, а десятиног, в котором киммериец так нуждался, скорее всего, бросился бы искать себе другое жилище. Боги, щедро наградившие достойного сына Крома множеством талантов, дали ему в придачу оглушительный голос, но почему-то напрочь лишили его музыкального слуха. Только мощная мускулатура могучего северянина и прочная репутация отчаянного забияки позволяли ему до сих пор пребывать в счастливом неведении относительно его певческих способностей. Когда варваром овладевало безудержное веселье и он затягивал какую-нибудь песню, никто не осмеливался даже поморщиться.

«Ну да ладно, не спеть, так не спеть, — усмехнулся про себя киммериец, — но хоть поболтать-то я могу! Кстати, может, мои птички расскажут что-нибудь новенькое о десятиноге... Эй, Мажирик! — мысленно окликнул он почтенного отца семейства. Тишина. Никто не отозвался. — Марижика! — попробовал он еще раз. Снова тишина. — Куда вы подевались? Дюжина демонов мне в печенку! Где вы все?»

Напрасно он тратил силы и время. Пока Конан пребывал в состоянии глубокой задумчивости, птичья семейка покинула гнездо. Как и обещала. Олтик тоже куда-то пропал, и варвар вновь оказался в гордом одиночестве. Морские волны то нежно лизали его ноги, то с силой ударяли в них, ветер то играл с легкими, словно пух птенца, облаками, то гнал кудато вдаль тяжелые тучи, солнце медленно проплывало по небосводу... И ничего не происходило. Город ольтов по-прежнему спал. Улицы были пусты, крошечные окна и двери домов не открывались, как будто на скалу, где совсем недавно царило оживление, никогда не ступала нога ни одного живого существа. Конан приуныл. Он внимательно прислушивался ко всему, что происходило вокруг, но его острый слух ловил лишь плеск волн и голос вольного ветра.

Наконец настал долгожданный день. Что-то тяжелое сильно ударилось в ноги киммерийца, и в его мозгу прозвучал раздраженный голос:

«Ты все еще тут?! Я-то надеялся, что ты убрался отсюда!»

«А зачем мне уходить? — едва сдерживая радость, огрызнулся Конан. — Мне и тут хорошо. Я купаюсь, а вода такая чистая и теплая, что я, пожалуй, побуду здесь еще».

«Надо же, дрянь какая! — мгновенно разозлился Олтик. — Мне домой надо! Ты это понимаешь, протухшая раковина?»

«А ты меня прогони! — рассмеялся киммериец. — Если сможешь, конечно, медуза ленивая».

«Это я медуза? — яростно завопил десятиног. — Да сильнее меня никого в округе нет!

Меня все боятся!»

«Вот и поборись со мной, — подзадорил его варвар. — Сдвинешь меня хоть на шаг — твоя взяла. Я уйду. Не сдвинешь — придется тебе искать другой дом».

Десятиног оплел каменные сапоги Конана своими щупальцами и принял тянути изо всех сил. Потом, резко ослабив хватку, отплыл назад и, набирая скорость, устремился в атаку. Мощный удар поднял высокую волну, и, не будь киммериец каменным и таким огромным, его, наверное, вышвырнуло бы на сушу. Олтик снова оттолкнулся он него и приготовился к очередному нападению.

Десятиног на самом деле был невероятно сильным, а в планы варвара не входило оказаться опрокинутым и навсегда погребенным на дне морском. Поэтому он решил направить старания Олтика в нужное русло.

«Осторожно, рыбешка безмозглай! — рявкнул он. — Не вытолкни мой кинжал. Я без него как без рук. Он очень дорог мне».

«Кинжал? — оживился десятиног. — Какой кинжал? Где он?»

«Видишь, — охотно объяснил киммериец, — из-за голенища сапога торчит рукоять? Это и есть кинжал. Если он выскочит оттуда, ты меня смертельно обидишь. Впрочем, — добавил он, — у тебя это вряд ли получится. Он тяжелый...»

И тут же понял, что наконец добился желаемого. Могучие щупальца, прочно прикрепившиеся к рукояти множеством присосок и цепко ухватившиеся за нее, начали раскачивать кинжал.

«Эй! Что ты делаешь?! — стараясь изобразить испуг, закричал варвар. — Прекрати немедленно! За этим кинжалом я готов идти на край света!»

«А я его сейчас достану, — злорадно зашипел Олтик, — и заброшу куда подальше! Будешь знать, как издеваться над почтенным десятиногом!»

Этого-то Конану и было надо. Со все нарастающим восторгом он почувствовал, что лезвие поддается сильным рывкам. Еще один толчок, еще, еще... И вот над водой взметнулось толстое бородавчатое щупальце, крепко сжимавшее кинжал.

«Смотри, истощенная молока! — услышал киммериец радостный вопль, — Вот она, твоя драгоценность! Прощайся с ней навсегда!»

Описав большую дугу, лезвие ярко сверкнуло в солнечных лучах, раздался сильный всплеск, и кусок металла, причинивший столько неприятностей, скрылся под водой. В то же мгновение по телу Конана пробежала дрожь, глаза заволокло туманом, голова закружилась, и окружающий мир перестал существовать.

Когда туман рассеялся, киммериец медленно, не веря своему счастью, поднес руки к лицу и, шевеля пальцами, долго любовался ими, как самой прекрасной женщиной во всем хайборийском мире. Затем он счастливо рассмеялся и сильно, до хруста в суставах, потянулся, получая невыразимое удовольствие от каждого движения.

«Что же ты не бежишь за своим обожаемым кинжалом?» — услышал он вдруг знакомый голос и тут же вспомнил о десятиноге.

Конан присел на корточки и, набрав полную грудь воздуха, погрузил лицо в воду. Возле своих ног киммериец увидел огромную, по меркам мира ольтов, конечно, тушу, покрытую сине-зеленой бородавчатой кожей. Десятиног приподнялся, опираясь на толстые, усыпанные присосками щупальца, и взглянул на варвара единственным ярко-желтым глазом, в котором светилось неподдельное любопытство.

«Какой ты противный... — громко прозвучало в мозгу киммерийца. — Лишний глаз

зачем-то... И водоросли на голове... Черные, спутанные... Тьфу, гадость какая!»

«Ты, приятель, тоже не красавец, — улыбнулся в ответ Конан, и из уголков его губ вырвались пузырьки воздуха. — Но ты оказал мне неоценимую услугу, и я тебе очень признателен».

«Значит, ты признаешь, что я сильнее тебя?» — пружиня на щупальцах, поинтересовался десятиног.

Конан, ничего не отвечая, вытянул руку и, растопырив пальцы, занес ладонь над Олтиком. Тот издал пронзительный свист, поднял одно щупальце, и из-под него в лицо варвару ударила дурно пахнувшая темно-синяя струя. Киммериец выругался и резко поднялся во весь рост. Бросив взгляд под ноги, он увидел, что там, внизу, медленно расплывается темное пятно. Олтик же, судя по бурунам на воде, улепетывал со всех своих многочисленных ног.

— Беги, приятель, беги! — крикнул ему вслед Конан. — Когда вернешься, меня тут уже не будет! Наконец-то ты попадешь домой!

Затем, осторожно переставляя ноги, чтобы, не приведи Митра, не задеть скалу с городом ольтов, киммериец отошел подальше в сторону, бросился в теплую воду и поплыл, радостно ощущая, как слаженно работают мышцы, как легко дышит грудь, как ровно бьется сердце и как соленая влага смывает усталость от вынужденного безделья.

Вдоволь накупавшись и отмыв все следы пребывания птиц с головы и плеч, Конан поспешил обратно. Увидев впереди скалу ольтов, он медленно подплыл к ней, встал на ноги и осторожно постучал указательным пальцем по барабану, по-прежнему стоявшему на городской стене. Тот мгновенно отозвался гулким рокотом. Киммериец ожидал, что в ответ на призывный звук город тут же оживет, распахнутся окна и двери, маленький народец высыплет на улицы и поспешит к сторожевой башне. Однако ничего подобного не произошло. Город по-прежнему спал.

Конан постучал еще раз и мысленно позвал:

«Сильвия! Просыпайся, крошка, я здесь. Я свободен. Теперь я готов выполнить свое обещание».

«Я верила в тебя, воин, — донеслось в ответ. — Я так счастлива!»

Дверь маленького белого домика под синей крышей распахнулась, и на пороге возникла знакомая изящная фигурка. Крошечные ножки словно сами понесли девушку вперед, и через несколько мгновений она уже поднималась на стену. Затем Сильвия легко вспрыгнула на барабан и заплясала на нем. Милые розовые пяточки уверенно отбивали ритм. И произошло чудо! Захлопали окна, из них начали выглядывать и тут же исчезать заспанные лица. Вскоре открылись и двери. Город, повинуясь настойчивой барабанной дроби, просыпался.

Постепенно на городской стене собралась толпа. Ольты опять встали возле барабана полукругом, и вперед вышел тот же старик. Рядом с ним замерла Сильвия, восторженно поглядывая то на мага, то на киммерийца. Лицо ее светилось счастьем: именно ей все-таки удалось привести в мир ольтов человека, который сумеет спасти ее народ от нависшей над ним угрозы.

Конан, давно понявший, что старик и есть самый главный ольтский маг, слегка поклонился ему и сказал: — Приветствую тебя, почтеннейший! При первых же звуках его голоса, прогремевшего, как крик разгневанного бога, ольты испуганно завопили. Многие схватились за уши, не в силах вынести такой грохот, несколько женщин упали в обморок, дети заплачали, прижимаясь к своим матерям.

«Твой голос невыносимо громок, — прозвучало в мозгу киммерийца. — Лучше общаться мысленно. Тогда никто не пострадает».

«Прости меня, почтеннейший, — ответил Конан. — Я не хотел причинять зла ольтам».

«Зови меня Примарус, — сказал старый мат. — Я знаю, ты не злой человек. Ты просто не подумал о последствиях. Думать — вообще не твоя стихия. Ты человек действия. А именно такой сейчас и нужен нам. Как тебя зовут?» «Конан. Конан-киммериец». «Что такое киммериец?» — удивился Примарус. «Это значит, что я родился в Киммерии. Есть такая страна далеко на севере».

«Когда ольты жили рядом с людьми, такой страны еще не было, — отозвался мат. — Впрочем, с тех пор многое изменилось в вашем мире, и мы совсем не знаем его. Скажи, люди по-прежнему жестоки и кровожадны?»

«Ну... — протянул Конан. Ему не хотелось лгать благообразному старцу, но и обвинять всех людей в жажде убийства он тоже не мог. — Люди разные. И жестокие, и добрые, и честные, и лживые, и умные, и полные идиоты... Очень разные».

«А остались ли в вашем мире уголки, хоть один, где никого нет, но где можно было бы жить?»

«Хоть я и много где побывал, но не могу говорить, что видел весь мир, — честно признался варвар. — Однако думаю, если поискать, такие уголки найдутся. Но почему тебя это интересует?»

«Видишь ли, в нашем мире нам больше нет места. Мы вынуждены искать убежище в мире людей. Но так как мы хотели бы сохранить тайну своего существования, то, прошу тебя, подумай, не припомнишь ли местечка, где мы могли бы поселиться так, чтобы об этом никто не знал».

Конан надолго задумался. Он перебирал в памяти места, где ему привелось побывать, но ничего подходящего не находил. Боги, сколько людей живет в его мире! Он никогда прежде не обращал на это внимания, и сейчас такая мысль поразила его.

Молчание затянулось. И вдруг варвар вспомнил. Митра Светозарный! Да как же он не сообразил раньше!

«Есть! — чуть не закричал Конан. — Есть такое место! Оно не может не понравиться вам!»

Глава пятая

Долина Семи Духов, о которой так кстати вспомнил киммериец, лежала далеко на востоке хайборийского мира, почти у самой границы с Кхитаем. Однажды Конану довелось по поручению Илдиза Туранского побывать близ тех мест. Когда, закончив дела, отряд под предводительством варвара возвращался обратно, они остановились на ночлег возле тихого и спокойного ручейка. Развели костер, приготовили нехитрый ужин, и уставшие воины мгновенно захрапели, а киммериец, вызвавшийся сторожить первую половину ночи, усился на траву и задумался, уставившись невидящим взором в огонь.

Ему не надо было обходить маленький лагерь, чтобы увидеть или почутъять опасность. Первобытные инстинкты, которые в нем не могла заглушить никакая цивилизация, превращали варвара в такие минуты в мощного чуткого хищника, способного, казалось, видеть, слышать и улавливать запахи всей кожей. Малейшее дуновение ветерка, едва уловимый шорох чуть шевельнувшейся травы, мягкая поступь зверя, который вышел на ночную охоту за своими более слабыми собратьями, — ничто не ускользало от внимания киммерийца, будто ему было дано слышать дыхание земли и небес.

И все-таки он пропустил того одинокого путника. Когда из темноты с другой стороны костра возникла чуть сутулая фигура в просторном одеянии, Конан вздрогнул, словно мгновенно очнулся от сна, и его широкая ладонь тут же легла на рукоять меча.

— Не беспокойся, воин, — усмехнулся незнакомец, плавно опускаясь на траву. — Я стар и уже давно не могу причинить зла никому. Да и не хочу.

Киммериец мрачно взглянул на неожиданного собеседника. Перед ним и в самом деле сидел глубочайший стариk. Густая сеть морщин покрыла лицо цвета старого пергамента, слегка опустив вниз уголки тонких сухих губ, длинные мягкие волосы, струившиеся по плечам, давно утратили первоначальный цвет и в лучах восходящей луны казались серебряными, и лишь темно-карие глаза, хитро и по-доброму глядевшие на варвара, были веселыми и молодыми. Конан почему-то сразу понял, что этот стариk и впрямь не опасен, но на всякий случай грозно спросил:

— Ты кто такой?

— Латпур, — просто ответил незнакомец. — Я странник. Брожу по свету. Занимаюсь врачеванием, предсказываю погоду, умею показывать кое-какие фокусы.

— Один ты уже показал, — злобно буркнул варвар. — Почему я тебя не слышал?

— Я так долго живу на свете, — улыбнулся Латпур, — что моя плоть сильно износилась и стала очень легкой, почти невесомой. Вот ты и не уловил мои шаги, киммериец, хотя твоему слуху можно только позавидовать.

— Ты знаешь о моей родине? — чуть не подпрыгнул Конан. — Неужели в своих странствиях ты забирался так далеко?

— Приходилось, — пожал плечами стариk. — И хоть это было давным-давно, я помню, сколь прекрасна твоя родина. Мне иногда даже снятся ее роскошные леса, окруженные величественными горами. Я никогда и нигде больше не встречал такой красоты... Разве что...

— Что? — спросил Конан, чувствуя, как злость и раздражение покидают его, уступая место любопытству.

— Долина Семи Духов, пожалуй, могла бы соперничать с Киммерией. Они не похожи,

но обе удивительно прекрасны.

— Долина Семи Духов? — изумился варвар. — Я побывал в тысяче мест, но о ней даже не слышал. Где это?

— Совсем рядом, — усмехнулся Латпур. — Совсем рядом, — повторил он и надолго замолчал, задумавшись.

Конан тоже молчал, по своему опыту зная, как сильны иногда бывают воспоминания и как крепко порой они цепляются за душу. Однако вскоре любопытство возобладало над тактичностью, которой киммериец и так особенно не отличался. Он взглянул на старика и, поняв, что мысли его собеседника витают где-то очень далеко, нарочито громко кашлянул. Седой странник вздрогнул и виновато улыбнулся:

— Прости, я немного задумался. О чем мы говорили? Ах, да... Долина Семи Духов. Видишь вон там, у самого горизонта, горы? — Тонкой, полупрозрачной рукой стариk показал вдали. — Там, чуть севернее кхитайской границы, они становятся совершенно неприступными. Но если отыщется смельчак, который сумеет добраться до перевала, его взору откроется одно из прекраснейших мест на земле.

— И что? — не выдержал киммериец. — Находились такие смельчаки?

— Находились, — печально улыбнулся Латпур. — Но обратно вернулись лишь двое. Один — только затем, чтобы поведать людям, что за горами обитают злобные демоны, и вскоре навсегда покинуть родных и переселиться на Серые Равнины. Другой — чтобы известить всех, что отныне Долина Семи Духов может принять людей. Однако ему не поверили. Его прогнали с позором. — Взгляд старика затуманился, а в голосе прозвучала неподдельная боль, — С тех пор, насколько я знаю, в Долине никто ни разу не был. А жаль. — Он тяжело вздохнул. — Там мог бы поселиться целый народ, и жизнь его была бы легкой и беззаботной. Но, увы, об этом прекрасном месте лишь рассказывают легенды.

Он снова надолго замолчал, и на сей раз Конан не тревожил его. Киммериец вдруг вспомнил, что совсем недавно слышал от старого кхитайца, который недолго сопровождал отряд, интересную сказку о Долине Злых Демонов. По всей вероятности, Латпур сейчас говорил об этом же месте, только назвал его иначе. Так, значит, все рассказанное кхитайцем — правда? Что же именно он говорил?

Словно по волшебству, Конан мгновенно вспомнил сказку, и ему даже показалось, что он снова слышит слегка скрипучий голос старика.

Началась эта история очень и очень давно. Однажды, создавая этот мир, боги повздорили. Светлые Боги решили, что неприступных гор и пустынь получилось слишком много и что людям будет тесно на земле, а значит, они начнут истреблять друг друга в борьбе за лучшие места. И тогда, чтобы избежать излишнего кровопролития, они задумали потихоньку внести кое-какие поправки. Так появилась Благоуханная Долина, которую Светлые Боги сотворили в самом сердце холодных, суровых гор.

Там росли всевозможные деревья, которые цвели и плодоносили круглый год, ведь злые ветры не могли пробиться сквозь каменные стены. Нежная, шелковистая трава служила чудесным кормом для быстроногих ланей и пушистых зайцев, доверчивых и небоязливых, ибо, населяя Долину, Светлые Боги не пустили в нее хищников. Прозрачные реки, сбегавшие с гор и плавно несущие свои хрустальные воды по равнине, щедро питали землю, и она была готова год от года давать богатейший урожай, найдись только руки, которые бросили бы в нее хоть одну горсть зерна.

Жизнь в Благоуханной Долине обещала быть светлой и радостной, не прознай о ней

Темные Боги. Озлившись на Светлых Богов, они создали семерых демонов, кошмарных духов, которые вобрали в себя все зло, какое и представить себе невозможно, и отдали им власть над Долиной, ее недрами, водами и даже небесами. Демоны не трогали животных, но пылали лютой ненавистью к людям. Придя в неописуемый восторг от своих созданий, Темные Боги перенесли их в Благоуханную Долину и нарекли ее Долиной Злых Демонов. Гнусным тварям понравился их новый дом, и они замечательно прижились там в ожидании грядущих жертв, обещанных им их создателями.

Жертвы не заставили себя ждать. Правда, демоны жили в Долине уже несколько тысячелетий, когда туда пришел первый человек, но тысяча лет — это очень много лишь по людским меркам, а для демонов — сущий пустяк. Приняв разные личины, от милых зверьков до нежных цветов, порождения Зла набросились на первых смельчаков, не побоявшихся грозных скал, и растерзали их.

Деревья застонали, ужаснувшись содеянным, а чистые речные воды замутились, но боги, создав землю, перестали вмешиваться в происходившее на ней. Лишь Светозарный Митра опечалился настолько, что прикрыл свой сияющий лик синими тучами. Но тучи, повисев над горами, пролились дождем, живительная влага смыла кровь несчастных с густой травы, и жизнь в Долине Злых Демонов пошла своим чередом.

Когда первые смельчаки не вернулись в свои дома, люди надолго оставили даже мысли о том, чтобы вновь проникнуть в Долину. Однако каждое поколение, или хотя бы одно из двух-трех, рождает своих героев. И снова храбрецы тронулись в путь, и снова их не дождались родные и друзья.

Шли годы, складываясь в столетия, и вот однажды одному горцу повезло, и он сумел побывать в Долине, вырваться из объятий демонов и вернуться домой. Но, когда он, изможденный и испуганный до полусмерти, возник на родном пороге, даже мать не сразу узнала его. Он уходил цветущим, полным жизни юношей, а обратно явился дряхлой, седой развалиной, хотя случилось это всего через пару лун. От несчастного люди узнали, что творится в Долине, и навсегда отказались от попыток бороться с демонами. На следующий же день перед беднягой открылись Серые Равнины, его тело торжественно предали земле, а к могильному холму стали водить детей, чтобы поведать им грустную, но весьма поучительную историю.

Прошло еще очень много лет, пока в горном селении, приютившемся неподалеку от единственной тропы, что вела прямиком в Долину Злых Демонов, не появились три странника. Все они были молоды, темноволосы и кареглазы, как и большинство горцев, но их смуглая кожа и необычные для этих мест черты лица выдавали в них чужеземцев, явно пришедших издалека. Горцы, обычно недоверчивые к чужакам, неожиданно для себя приняли их как долгожданных гостей и искренне огорчились, когда юноши поведали о своем намерении сразиться со злыми духами. Напрасно селяне пытались отговорить пришельцев, которых успели полюбить за их мягкий нрав, искусство врачевания и неизменную готовность помочь страждущим. Решение раз и навсегда освободить чудесную долину от смрадных тварей оказалось непреклонным.

Однажды на рассвете чужеземцы покинули горное селение. Вслед им неслись стоны и плач, слезные просьбы остаться, но ни один юноша даже не обернулся.

Минули три луны, и горцы собрались справлять тризну по погившим безумцам, но тут на каменистой тропе показалась одинокая фигура, которая медленно приближалась к селению. Слава Светлым Богам, это был один из чужеземцев. Его лицо, постаревшее на

несколько лет, выражало крайнюю усталость, одежда превратилась в жалкие лохмотья, а сквозь многочисленные прорехи виднелись страшные раны, оставленные острыми когтями.

— Долина свободна, — прошептал он из последних сил и рухнул на землю.

Горцы подумали, что он умер, но беднягу просто сморил глубочайший сон. Семь раз живительное Око Митры всходило на небосклоне и столько же раз его сменяли луна и звезды, а юноша все не просыпался. Его била лихорадка, в горячечном бреду звал он своих друзей, а в мутных глазах, когда он ненадолго открывал их, никого вокруг не замечая, отражался сумеречный свет Серых Равнин.

Но молодость и несокрушимая воля победили смерть, и восьмое утро поседевший юноша встретил на ногах, выйдя приветствовать Подателя Жизни на улицу. Он был еще слаб, но души погибших спутников уже не звали его к себе, а еще через пару дней он поправился окончательно.

— Мы победили злых духов, — сообщил он горцам, и счастливая улыбка озарила его бледное лицо.

— Бедный мальчик, — словно не слыша его слов, вздохнула какая-то старуха. — Он потерял друзей, и это помутило его рассудок.

— Духов нельзя победить, — строго заметил один из старейшин селения. — Они созданы богами как наказание человеческому роду за гордыню.

— Их создали Темные Боги, — попытался возражать юноша, — а Зло никогда не осилит Добра, иначе на земле властвовали бы демоны и Митра Лучезарный не являл бы людям свое Око.

— Добра и Зла в мире поровну, — сурово нахмурился другой старейшина. — Так решили боги, и не нам, смертным, вмешиваться в их игры.

— Но Долина так прекрасна! — воскликнул юноша. — Я и мои друзья, мы прочитали о ней в древних книгах и из них же узнали, как уничтожить духов. Мы потратили несколько лет, чтобы овладеть магией, и она оказалась достаточно сильной... Мои собратья отдали жизни, чтобы люди навсегда покинули эту неприветливую землю и зажили в Благоуханной Долине счастливо и богато.

— Никто из нас, — рассердился старейшина, — никогда не слышал о Благоуханной Долине, но все мы знаем, что эта тропа, — он указал на горы, — ведет в Долину Злых Демонов. Там сложили головы лучшие сыны нашего народа, и один из них, что сумел донести до нас правду, завещал нам никогда не подниматься высоко в горы.

— Но и в моих словах нет ни тени лжи! — в отчаянии закричал юноша. — Долина снова стала Благоуханной, как нарекли ее когда-то Светлые Боги, создавшие ее для людей!

— Уходи от нас, несчастный! — приказал первый старейшина. — Не смущай умы молодых. Дети нашего народа — не пища для демонов.

— Мы приняли вас как родных, — добавил второй старики, качая головой, — и не наша вина, что вы не вняли голосу разума. За это и поплатились. Твои друзья — жизнями, ты — рассудком. Ступай с миром. Да будут боги милостивы к тебе.

Гримаса боли исказила лицо чужестранца. Не говоря больше ни слова, он махнул рукой, повернулся и медленно побрел прочь от горного селения. Он уходил все дальше и дальше, а горцы смотрели ему вслед и сочувственно кивали, думая каждый о своем...

...Прохладный ночной ветер растрепал длинные волосы киммерийца, забрался под тонкую кожаную куртку, и Конан, передернув плечами, очнулся от своих дум.

— Слушай, старики, — обратился он к ночному гостю и тут же осекся: на том месте, где

совсем недавно сидел таинственный странник, никого не было.

Варвар громко выругался, смачно сплюнул и отправился будить туранца, который должен был сменить его на дежурстве.

* * *

«Это очень интересно! — обрадовался Примарус, когда Конан рассказал ему все, что знал, о Долине Семи Духов. — Ты не мог бы уточнить, где именно находится это место?»

«Значит, так. Сильвия привела меня из Турана. Ты представляешь, где это? — Старый маг быстро закивал, — Кхитай лежит на востоке от Турана, за Вендией. — Примарус снова кивнул. — А к северу от Кхитая, примерно в одном дне пути, даже чуть меньше, находятся горы, в которых и спрятана эта долина».

«Ты думаешь, люди еще не забрались туда? — поинтересовалась Сильвия. — Как бы не получилось, что мы потратим все наши магические силы, чтобы попасть туда, а место окажется занятым».

«Еще совсем недавно об этой долине рассказывали страшные сказки, — пожал плечами киммериец. — И в этих рассказах никто не называл ее Благоуханной Долиной. Память о демонах оказалась слишком сильной. Нет, — варвар тряхнул головой, — я не сомневаюсь, что там никто не живет».

«Хорошо, — подвел итог Примарус — Будем готовиться к переселению».

«Готовиться? — изумился киммериец. — Мне казалось, вы давно к этому готовы».

«Не совсем, — пояснила Сильвия. — Мы должны быть уверены, что Мост, на который хватит накопленной магической энергии, протянется до самой долины. Поэтому лучше иметь ее в избытке. А иначе... Даже думать об этом не хочется».

«Ладно, — встрепенулся Конан, — вы сейчас отправитесь дрыхнуть, а я... Мне-то чем заняться?»

«Ты волен распоряжаться своим временем по собственному усмотрению», — важно ответствовал Примарус, и по его знаку ольты поспешили по домам.

Киммериец снова остался один. Он не знал, сколько времени уже провел в мире ольтов и как долго ему еще предстоит пробыть здесь, но, к своему величайшему удивлению, не чувствовал ни голода, ни жажды, ни усталости. Это, конечно, было хорошо, ибо ни пищи, ни места, где можно было бы устроиться на отдых, он обнаружить так и не смог.

Сначала он долго плавал, получая ни с чем не сравнимое удовольствие просто оттого, что тело опять обрело подвижность и былую силу, но вскоре это занятие ему наскучило. Вернувшись к скале, киммериец уселся на дно, стараясь вновь не перекрыть вход в пещеру Олтика, и принялся ждать, время от времени погружая в воду ладони и с интересом наблюдая, как испуганно мечутся в них крошечные рыбки, похожие на разноцветные искорки.

Однако и это развлечение приелось довольно быстро, и Конан даже с некоторым теплом вспомнил перебранки со склонным и хамоватым десятиногом, слегка сожалея, что спугнул беднягу и он, видимо, не скоро рискнет вернуться домой.

Когда варвар уже готов был завыть от навалившейся на него скуки, город ольтов вдруг ожила. Захлопали двери домов, и маленькие фигурки потянулись на городскую стену. Примарус, облаченный в темно-синюю мантию с мелкими серебряными звездочками, вышел

вперед. Легкими шагами к нему приблизилась Сильвия. Маг и девушка взялись за руки, и крупные синие камни, которые украшали совершенно одинаковые обручи на их головах, неожиданно засветились.

Сияние постепенно нарастало, пока камни, ослепительно вспыхнув, не выпустили по три тонких луча. Киммериец замер, глядя, как лучи зашевелились и начали сплетаться в узкую полупрозрачную ленту. Она медленно разрослась приблизительно до четырех локтей в ширину и, выгнувшись плавной дугой, устремилась к горизонту. Когда конец ленты растаял в голубой дали, в мозгу Конана прозвучал спокойный голос Примаруса:

«Мы готовы, воин. Теперь все зависит только от тебя».

«Разойдитесь по домам, — попросил киммериец. — Я не хочу, чтобы кто-нибудь сорвался по пути».

Не говоря больше ни слова, он дождался, когда улицы города ольтов вновь опустели, и, решительно шагнув к скале, рывком поднял ее над водой. Затем он огляделся по сторонам: прямо у его ног начинался Волшебный Мост, уходивший в бесконечность. Одним сильным движением Конан вскинул камень на плечо, ступил на радужную ленту и, придерживая тяжелую ношу правой рукой, быстро пошел вперед.

Глава шестая

Волшебный Мост, протянувшийся далеко за горизонт, оказался необыкновенно красив. Сначала Конан не обращал на это особого внимания, думая лишь о том, как бы поскорее выполнить свое столь опрометчивое обещание и вернуться к своим делам. Он не знал, сколько времени прошло в его мире. Примарус говорил, что в их мирах время течет по-разному, но это одинаково могло означать, что киммериец отсутствовал не дольше одного вздоха и что в его мире уже прошло несколько тысячелетий, и кости всех, кого он знал, давно обратились в пыль.

Однако варвар не обладал склонностью к глубоким размышлениям, и они, как правило, быстро ему надоедали. Кроме того, он не привык долго печалиться, тем более если не был уверен, что для этого есть повод. Поэтому вскоре хорошее настроение вернулось к нему, а вместе с ним и свойственная Конану любознательность, и он начал с интересом оглядываться по сторонам. Правда, он не обнаружил ничего достойного внимания: повсюду, насколько хватало глаз, раскинулся безбрежный океан, тихий и спокойный, словно ко всему равнодушный.

Вволю налюбовавшийся ленивой игрой лазурных вод, киммериец взглянул под ноги и от изумления чуть не уронил скалу ольтов. Широкая лента, по которой он шагал, постоянно меняла цвет, становясь то голубой, то жемчужно-розовой, то молочно-белой, то нежно-сиреневой, а то и вовсе совершенно прозрачной. И чем дальше шел киммериец, тем быстрее изменялись цвета. Конану очень хотелось задать Примарусу хоть один вопрос, но он опасался, что старому магу, для того чтобы ответить, придется выйти на городскую стену. А сможет ли старик удержаться на ней, варвар не был уверен и потому решил не рисковать.

Неожиданно впереди начал собираться легкий туман, и Конан сначала даже замедлил шаги, но потом вспомнил, что это, скорее всего, может означать лишь одно: он приближается к Большим Воротам. Это так обрадовало киммерийца, что он едва не припустился бегом, но вовремя одумался: он тащил на плече не просто огромный камень, а целый город, жители которого и так, наверное, испытывали множество неудобств.

Туман постепенно приближался, становясь все более и более густым, пока Конана не окружила непроницаемая пелена, плотная, словно взбитые сливки. Но Мост по-прежнему был виден, и варвар нисколько не опасался, что съется с дороги и рухнет вниз вместе с ольтами.

Наконец в густой пелене показалась высокая сияющая арка, и Конан перешел границу, отделяющую его мир от мира ольтов. Мгновенно все изменилось. Нет, Волшебный Мост никуда не исчез, он все так же висел высоко над землей, переливаясь в солнечных лучах. Но зато пропал бескрайний океан, уступив место расстилавшейся внизу суще. А кроме того, скала ольтов, до того почти невесомая, заметно потяжелела.

Осторожно поправив свою ношу, киммериец пошел медленнее, внимательно глядя вниз и пытаясь понять, где находится.

«Интересное местечко, — подумал он. — Как будто художник пробовал краски на бумаге. Синяя полоска, зеленая, широкая желтая, потом такая же зеленая, опять узенькая желтая и вновь синяя. Забавно... О боги! — вдруг осенило его. — Это ведь... Не может быть... — Он присмотрелся, мысленно благодаря ольтов за резко улучшившееся зрение. — Да. Черные Королевства. Стигия. А там, за второй синей полоской, Шем».

Но оттого, что он увидел знакомые места, киммерийцу лучше не стало. Земли, мелькавшие далеко внизу, были такими крошечными, что все Черные Королевства Конан преодолел за пять шагов, Стигию — за два, а проходя над Шемом, даже зажмурился на мгновение: ему показалось, что сейчас он наступит на крошечный приморский городок и раздавит его в лепешку.

Однако первый и, к чести варвара, очень легкий испуг прошел очень быстро. Он, выросший среди высоких гор и неоднократно забиравшийся на самые, казалось, неприступные вершины, никогда не боялся высоты. Справедливо рассудив, что ольты умно придумали, построив Волшебный Мост так высоко, ибо никому из людей не придет в голову рассматривать, не тащится ли по яркой радуге сумасшедший варвар со скалой на плече, Конан усмехнулся и зашагал дальше.

Взглянув в очередной раз вниз, киммериец слегка удивился: только что под ногами лежал Шем, а сейчас простерся Туран, и слева поблескивает море Вилайет. Как такое могло случиться? Волшебный Мост никуда не сворачивал, и в этом Конан мог поклясться чем угодно. Удивление его, правда, быстро прошло: когда имеешь дело с магией, черной ли, белой ли, разве можно чему бы то ни было удивляться? У этих чародеев все не как у людей. Главное — добраться до цели, а идет дорога прямо или зигзагами, не все ли равно?

Вот промелькнула Вендия, показался Кхитай, а вон там, чуть слева, те самые горы, в которых спрятана Долина Семи Духов.

«Хвала Крому! Добрался», — подумал Конан и почувствовал, что Мост начинает постепенно снижаться.

Горы, лежавшие под ногами, приблизились, но по-прежнему оставались все такими же крошечными, как и все, что он видел внизу. И Долина, внезапно открывшаяся перед глазами, прекрасная, цветущая, воистину достойная названия Благоуханной, тоже вряд ли превышала в длину два шага киммерийца.

«Нергал мне в печень! — выругался Конан. — Да ведь это не ольты были такими маленькими, это я, идиот, доверившись им, вырос до небес! И что теперь делать? Куда мне такому деваться?»

Не успел он подумать об этом, как радужная дорога закончилась, и огромный сапог варвара ступил на землю. В этот же миг скала, которую он нес на плече, начала стремительно расти, грозя придавить киммерийца, превратив его в мокрое пятно. Он быстро скинул ставшую неимоверно тяжелой ношу и едва успел отскочить в сторону. Прямо у него на глазах скала взметнулась ввысь примерно на четыре его роста, а дома, стоявшие на вершине, достигли размеров нормального человеческого жилья.

Деревья, растущие в Долине Семи Духов, тоже устремились к небесам, за ними потянулись цветы и травы, выросли птицы и животные, которых Конан поначалу даже не заметил, а озера и реки молниеносно раздвинули свои берега. Два-три вздоха — и киммериец понял, что вновь стал обычным человеком и ему вовсе не грозит участь одинокого монстра.

С радостью, не меньшей, чем в тот миг, когда тело его обрело подвижность и силу, Конан ощупал себя и громко расхохотался, мгновенно ощущив мощный прилив радости, но тут же зажал рот рукой, вспомнив, какую панику вызвал среди ольтов его голос.

— Не бойся, воин! — услышал он за спиной и не сразу даже сообразил, что знакомый голос звучит не в мозгу, а идет откуда-то извне. — Мы счастливы не меньше тебя, а насколько благодарны, ты даже представить не можешь.

Конан обернулся: сзади стояли Примарус и Сильвия, а со скалы спускались ольты. Их было очень много, и, не зная он, что все они принадлежат к древнейшей расе, намного опередившей людей во всем, ему даже в голову бы не пришло, что это не люди.

Внимательно присмотревшись, Конан едва не присвистнул от изумления: до чего же красивым народом были эти загадочные ольты! Высокие, стройные, светловолосые и голубоглазые, все они, казалось, состояли в родстве. Среди них не было могучих силачей, подобных киммерийцу, но народ, не ведущий войн, не нуждался в воинах. Да и изящество ольтов отнюдь не напоминало болезненной немощи изнеженных слонятев, каких варвару довелось повидать немало.

Киммерийцу даже показалось, что, если б они только захотели этого, любой ольт мог взмахнуть руками, словно крыльями, и взвиться в высокое небо подобно вольным птицам.

«Нет, — мелькнуло в мозгу Конана, — люди и ольты никогда не смогли бы понять друг друга. Эти вон какие, легкие, воздушные, а человек должен твердо стоять на земле обеими ногами, иначе погибнет».

— О чем задумался, воин? — Сухая, но твердая рука опустилась на плечо варвара.

— Я думал о том, какие мы разные, — честно признался Конан.

— Видишь, ты сразу понял это, — улыбнулся Примарус — Поэтому, надеюсь, ты не обидишься, если я скажу тебе вот что. Ольты очень благодарны тебе, но ты не можешь долго оставаться с нами. Более того, покинув Долину, которая отныне будет называться Долиной Ольтов, ты вскоре забудешь о ней. Извини, но мы не можем допустить, чтобы здесь появились люди.

— Он должен остаться на пир! — вмешалась стоявшая рядом Сильвия. — У нас сегодня такой праздник! И это было бы несправедливо, если б тот, кто спас наш народ, не поднял кубок вместе с нами.

— Конечно, — кивнул Верховный Мат. — Но человек не будет встречать рассвет вместе с ольтами. Иначе ему придется навсегда остаться в Долине. Ты ведь этого не хочешь? — спросил он у Конана.

— Нет! — тряхнул головой киммериец. — Мое место там, среди людей.

Сильвия, тяжело вздохнув, взяла его за руку и потянула за собой. Они отошли на несколько шагов в сторону и уселись на мягкой, слегка шелковистой траве. Девушка задумчиво смотрела куда-то вдаль и молчала, а Конан с интересом наблюдал за тем, что происходило вокруг.

Ольты готовились к пиру, и для киммерийца это оказалось одним из самых удивительных зрелищ, какие ему когда-либо приходилось видеть. Похоже, они израсходовали далеко не всю магическую энергию, накопленную для постройки Волшебного Моста, а потому сейчас использовали ее вовсю.

Начали со столов. Двое юношей, похожих, словно братья-близнецы, встали в середине большой поляны лицом друг к другу, сложив ладони в молитвенном жесте. Затем, пропев короткую фразу на непонятном Конану языке, они развели руки, повернув их ладонями наружу, и каждый шагнул вперед. Между руками юношей возник полупрозрачный голубой шар. Удовлетворенно кивнув, молодые ольты начали пятиться, медленно отступая назад, и шар, висевший в воздухе, вытянулся, превратившись сначала в овал, а потом в прямоугольник. На глазах у изумленного варвара прямо из ничего возникал призрачный стол.

Юноши все отступали и отступали друг от друга, пока, видимо, не сочли, что за столом хватит места всем. Тогда они остановились, громко произнесли еще одну фразу и резко

хлопнули в ладоши. И видение стало явью. Конан тряхнул головой, затем крепко сжал морду, но, когда открыл глаза, новенький, сияющий белизной свежеструганных досок стол, стоявший на крепких высоких ногах, не исчез.

Юношей сменили три хорошеные голубоглазые девушки, которые, быстро пробежавшись по столешнице изящными пальчиками, соткали из воздуха роскошную небесно-голубую скатерть с золотой вышивкой.

Ольты — мужчины, женщины, старики и даже дети — подходили к столу, держа в руках кто пучок травы, кто цветок, кто веточку от дерева или куста, произносили заклинания, и на пиршественном столе возникали разнообразные блюда и сосуды, наполненные всевозможной снедью и вином.

С трудом оторвав взгляд от необычного действия, Конан повернулся к Сильвии:

— Почему я запросто говорю с тобой и Примарусом, но не понимаю ни одного слова из того, что говорят твои соплеменники?

— Все очень просто, — рассмеялась девушка. — Мы с Примарусом говорим на своем языке, ты — на своем, а понимаем друг друга лишь благодаря магии. Должны ведь мы как-то общаться! А то, что делают и говорят другие ольты, ты уж извини, тебя не касается. Ты все равно скоро забудешь нас.

— Но, — вдруг вспомнил Конан, нисколько не обидевшийся на слова Сильвии, — в вашем мире я мог слышать даже мысли. И не только твои и Примаруса.

— Мог, — кивнула Сильвия. — Но теперь не можешь. Тогда, когда ты был больше любого из нас в тысячи раз, своим голосом ты мог вызвать землетрясение. Мы были просто вынуждены даровать тебе способность объясняться мысленно, а внутренний слух гораздо тоньше обычного. Сейчас мы стали одинаковыми, и ты утратил свой дар. Но вспомни, ты и тогда слышал лишь те наши мысли, что были обращены к тебе. И сейчас, если кто-то из ольтов захочет поговорить с тобой, вы прекрасно поймете друг друга.

Пока они беседовали, приготовления к празднику закончились. Примарус воздел руки к небесам и, в витиеватых выражениях пересказав прекрасно известную всем историю, провозгласил начало пиршства.

Конан осторожно опустился на широкую скамью, которая еще совсем недавно была сгустком магической энергии, и окинул внимательным взглядом угощение. От живописнейшей картины, что предстала перед ним, у варвара захватило дух. Не знал он, кто и как накрывал на стол, Конан решил бы, что здесь потрудились десятки поваров, а до них — садовники, огородники и охотники.

Горы нежнейших, налитых солнечным светом фруктов; овощи, и знакомые варвару, и те, о которых он даже никогда не слышал; аккуратные стопки медово-желтых лепешек, испускавших такой аромат, что даже к душам на Серых Равнинах, наверное, вернулся бы завидный аппетит; огромные, зажаренные целиком туши кабанов и антилоп; жемчужно-розовая рыба, сыры, колбасы, разноцветные вина — такого изобилия киммериец не видел никогда.

Едва умопомрачительный запах коснулся его ноздрей, как Конан мгновенно забыл, что вся эта роскошь возникла прямо из воздуха. Он взял высокий кубок, наполненный темно-вишневым густым вином, и, подняв его, произнес:

— Я пью за ольтов! За то, чтобы отныне эта Долина стала для вас домом, где вы найдете все, о чём мечтали!

С этими словами он поднес кубок к губам и, глубоко вздохнув, сделал большой глоток.

Божественный напиток непередаваемого вкуса и аромата огненным потоком хлынул внутрь, и киммериец подумал: «Такое вино, наверное, пьет сам Митра. И то по большим праздникам».

Больше он не успел подумать ни о чем. Долина ольтов закружилась у него перед глазами в бешеном хороводе, а сам он, обратившись в крохотную песчинку, понесся в этом вихре, потеряв способность видеть и слышать...

* * *

Сознание возвращалось медленно. Сделав слабую попытку открыть глаза, Конан тут же отказался от этой дурной затеи: ослепительная вспышка, озарившая все вокруг, казалось, обладала тяжестью кувалды, которая, похоже, мгновенно опустилась на голову. Подождав, пока затихнет звон в ушах, киммериец попробовал осторожно пошевелить пальцами. Хоть и с большим трудом, но они все же повиновались, и Конан почувствовал, что руки лежат на какой-то гладкой деревянной поверхности. Судя по всему, голова покоилась там же.

Ободренный достигнутым, он напряг шею, чтобы оторвать щеку от этой таинственной поверхности, но был за это жестоко наказан: в голове тяжело загудели колокола, а в ушах и висках запульсировала кровь, и каждый толчок вызывал острые приступы тошноты.

Как это ни странно, но киммериец даже обрадовался. Такое состояние было ему хорошо знакомо. «О Кром всемогущий, как же я надрался...» — слабо шевельнулась в раскаленном мозгу мысль, отзывающаяся болью во всем теле. Теперь главным было не делать резких движений, а постараться выплыть из этого кошмара аккуратно, с наименьшими потерями. Однако очередная попытка погрузила сознание варвара в непроницаемый мрак.

Вынырнув из забытья, Конан почувствовал себя гораздо лучше. С великим трудом приоткрыв один глаз и стараясь удерживать щелочку, через которую можно было рассмотреть хоть что-нибудь, он ощущил себя победителем.

Грубая деревянная поверхность, к которой неимоверная тяжесть придавливала голову киммерийца, никак не напоминала сияющую чистотой столешницу, сотворенную ольтами. От прекрасной скатерти с замысловатым золотым узором тоже не осталось и следа. Спертый воздух, казалось, застыл, как будто Долину накрыли непроницаемым колпаком.

«Нергаловы отродья, — не слишком ласково помянул своих новых знакомых Конан, — они, похоже, заперли меня. А трепались... Спаситель... Вечная благодарность... Ну, погодите!»

Он с невероятным усилием опустил руку на пояс и, несказанно удивившись, нашупал рукоять меча. Странные создания! В первую очередь они должны были позаботиться о том, чтоб он не был вооружен, но почему-то не сделали это. Полагались на свою магию? Младенцы! Он и с более серьезным противником справлялся, а эти вечные юнцы, питающиеся воздухом, ему и вовсе смешны... Но... У него вообще не было меча. Откуда же он взялся?

Собрав всю свою волю, киммериец резко выпрямился. Перед глазами запрыгали радужные пятна, но колокольный звон, снова раздавшийся в ушах, уже не был таким оглушительным. Упершись обеими руками о столешницу, варвар слегка приподнялся, однако тут же снова опустился на скамью: ноги все еще отказывались повиноваться.

Держась руками за край стола, Конан внимательно осмотрелся по сторонам.

Просторный зал, грубые деревянные столы с лавками, стойка... О боги! Это же «Попутный ветер»! Киммериец сосредоточился и попробовал вспомнить, что произошло с ним накануне. Он сидел у Ортиса и старательно пропивал деньги, столь ловко украденные у Дархама. Потом неожиданно появилась девушка. Завязалась драка. Затем девушка вернулась и позвала его с собой. Как ее звали? А... Сильвия.

Воспоминания рвались в клочки и разбегались, словно легкие облака под порывами ветра. Мало-помалу картина постепенно прояснялась, но не настолько, чтобы Конан почувствовал себя спокойным. Нет, с такой головой нечего и пытаться что-то вспомнить. Где же Ортис? Надо срочно выпить, а этого прохиндея будто демоны утащили.

— Ортис! — рявкнул Конан. — Нергал тебя подери! Где ты? Ортис! Вина!

С таким же успехом он мог звать Ортиса в безлюдной пустыне.

— Ортис! — позвал варвар уже немного тише и снова огляделся по сторонам.

Никого. Наверное, уже глубокая ночь, а хозяин «Попутного ветра» отличался тем, что, если заснет, никакая сила не сможет поднять его с кровати. Кроме того, он частенько закрывал свое заведение на ночь, особенно если вечер был удачным. Хлопоты с поздними гостями редко оправдывали себя, и Ортис предпочитал не искушать судьбу.

— Сет с ним, — мрачно буркнул Конан и снова задумался.

Неожиданно он все вспомнил. Но яркие картины, поочередно вспыхивавшие в его мозгу, тут же тускнели, словно кто-то стирал их огромной тряпкой, и киммериец догадался: ничего этого не было! Он просто изрядно перебрал и увидел великолепный сон. Нет, с пьянкой надо быть поосторожнее. Это ж надо так надраться, чтобы потом так мучиться! И все нутро болит, словно вот-вот треснет, как пересохшая глина.

Вдруг еще одно запоздалое воспоминание мелькнуло в голове варвара. Он криво усмехнулся и, подняв руку, громко щелкнул пальцами.

...На грязной столешнице, покрытой застарелыми пятнами, прямо из воздуха появился большой кувшин, в котором поблескивало, источая тонкий аромат, красное аргосское.

